

Российская Академия Наук
Институт философии

А.Л. Субботин

БЕРНАРД МАНДЕВИЛЬ

Москва
2013

УДК 14
ББК 87.3
С-89

В авторской редакции

Рецензенты

доктор филос. наук *В.В. Соколов*
доктор полит. наук *М.М. Федорова*

С-89 **Субботин, А.Л.** Бернард Мандевиль [Текст] / А.Л. Субботин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2013. – 111 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 85–86. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0236-2.

Книга знакомит с философским мировоззрением Бернарда Мандевиля (1670–1733) – английского мыслителя, одного из самых своеобразных представителей философской мысли раннего европейского Просвещения. В книге излагается история создания главного сочинения Мандевиля – знаменитой «Басни о пчелах» и содержится анализ его взглядов по многим вопросам этики, психологии, социальной теории, экономики и даже эстетики. В «Приложении» публикуется стихотворный перевод на русский язык басни «Возроптавший улей, или мошенники, ставшие честными», из которого в конце концов выросло двухтомное произведение Мандевиля «Басня о пчелах, или пороки частных лиц – блага для общества».

ISBN 978-5-9540-0236-2

© Субботин А.Л., 2013

© Институт философии РАН, 2013

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга должна познакомить читателя с философско-этическими и социальными воззрениями Бернарда Мандевилля (1670–1733). Знакомство с историей философских учений – лучшее введение в философию и проверенный способ приобщения к философскому мышлению. Вместе с тем, будучи историей человеческого самосознания, теоретического мировоззрения, история философии является частью всеобщей истории; и если бы не было движения последней, то остановилось бы и всякое развитие философской мысли. Какие крупные мыслители – Томас Гоббс, Бенедикт Спиноза, Джон Локк – непосредственно предшествуют Мандевиллю! Ими оставлено такое богатое идейное наследие, какого хватило бы для безбедного существования не одному поколению эпигонов. И все же Мандевиль говорит свое, новое слово; говорит его не только потому, что он стоит на плечах этих гигантов, но и потому, что он мыслитель другого времени и Англия начала XVIII в. уже не та, какой она была во времена Кромвеля, Реставрации Стюартов или «Славной революции».

Политические тревожения революционной эпохи сменила полоса сравнительного политического застоя, который, однако, искупался небывалым расцветом экономики. «Славная революция», установив в стране парламентарную монархию и сохранив многие рычаги политической власти в руках аристократии, вместе с тем открыла широкий простор для частной инициативы во всех областях экономической жизни. Стремительно возрастает роль купцов и финансовых воротил, а финансовые спекуляции принимают поистине фантастические формы. Особенно широкую известность получила грандиозная афера с акциями «Компании южных морей». Эта афера, разорившая множество рядовых акционеров и обогатившая заправил компании и нескольких членов правительства, – наиболее яркий пример спекулятивной лихорадки, охватившей Англию в первые десятилетия XVIII в.

Проведение охранительной таможенной политики дало новый толчок развитию в Англии мануфактурной промышленности, особенно шерстяной. Многие мероприятия в экономике, во внутренней и внешней политике страны были направлены к дости-

жению этой цели – увеличению производства и экспорта сукна. Они, как мы увидим, занимали и мысли Мандевиля. В результате войны за Испанское наследство Англия сохранила открытыми для своего сукна крупнейшие мировые рынки как в Европе, так и в Америке и на Ближнем Востоке. Особенно интенсивный экспорт шел в Турцию, из которой в свою очередь импортировали шелк. Об этой торговле писал и Мандевиль, доказывая, что здесь необходим сбалансированный обмен. Другую область внешней торговли монополизировала Ост-Индская компания, которая вопреки всем рекомендациям ортодоксальных меркантилистов за золото вывозила из Индии шелк, чай, кофе и другие товары, удовлетворявшие требованиям моды и возраставшей роскоши. В общем в стране царили бурная деловая предприимчивость, частнособственнический произвол, освященный законодательством, к которому, судя по большому числу совершавшихся преступлений, низшие классы проявляли полное равнодушие и пренебрежение.

Эпоха революций XVII в. была временем духовного подъема, надежд, социальных проектов, принципиальной идейной борьбы. Теперь все это отошло в прошлое. Героизм, самопожертвование, бескорыстие, энтузиазм – все это стало анахронизмом, представлялось как проявление неистового тщеславия и осуждалось как фанатизм. Их сменили мошенничество, ничем не прикрытое приобретательство и эгоистическая расчетливость, считавшаяся лучшим свидетельством здравомыслия. Не только вещи, но и идеи и моральные принципы становились товаром. Вместе с тем страна пожинала плоды политики веротерпимости. Правда, столкновения консервативного англиканского духовенства, так называемых высокоцерковников, с «низкоцерковниками» и диссидентами, равно как и вражда между различными христианскими сектами, возникали время от времени с новой силой, однако терпимость, не без влияния идей Локка, все же становилась преобладающим настроением в английском обществе. Философия Локка способствовала также возникновению английского деизма и определенному сдвигу мировоззренческих интересов, которые переместились преимущественно в область этики и психологии. Однако ни веротерпимость, ни деизм образованной элиты не сделали англичан менее религиозными. «Этический кодекс, основанный на христианской доктрине, – отмечает английский историк Дж. М. Тревельян, –

был тогда правилом жизни для значительно большей части общества, чем это было в периоды позднего средневековья и Тюдоров» (29, 368)*. Эта религиозность, сочетаясь с жадной обогачения любыми средствами, породила то ханжество, которое глубоко пропитало состоятельные слои общества и стало одной из отличительных черт британской респектабельности. Люди, живые, реальные люди послереволюционной Англии были далеки от того идеала гармонической, умеренной в своих потребностях, разумно-нравственной личности, за который ратовал в своей этике Джон Локк.

Этими несколькими штрихами я хотел бы обрисовать ту английскую действительность, в условиях которой формировались взгляды Мандевиля. Без знания ее многие представления и решения Мандевиля – мыслителя, остро чувствовавшего пульс своего времени, – остались бы непонятными. Не так уж трудно последовательно и логично изложить концепцию того или иного философа. Гораздо труднее, не впадая в вульгаризацию, увязать ее с условиями современной ей социальной действительности. Однако именно эту задачу и должен решать историк философии, если он не хочет писать еще одну книгу о книгах. Иными словами, философские учения прошлого следует рассматривать не только в их связи с предшествующими концепциями и современными им альтернативными воззрениями, но и в связи со всем строем общественной жизни – ее политической, экономической и культурной реальностью, достигнутым уровнем знаний, распространенными религиозными взглядами и теми представлениями, которые бытуют в искусстве и литературе.

На связь философии и литературы стоит обратить особое внимание. Философское произведение очень выигрывает, если оно представлено в хорошей литературной форме. Правда, далеко не все классики философии были и классиками стиля, но зато тех, кто, как Платон или Дидро, обладал художественным даром, всегда читали с двойным удовольствием. Хорошая манера изложения нужна философскому произведению не только ради завоевания большого числа читателей. Существует мнение, что с содержанием философии вообще несовместима эмоционально-художественная форма,

* Здесь и далее в скобках сначала указывается номер источника в списке литературы, помещенном в конце книги, затем курсивом – номер тома, если издание многотомное, и далее – страницы источника. (*Авт.*)

что философские материи следует излагать сугубо научным слогом. Это заблуждение. Иные философские проблемы, связанные с самой сутью человеческого бытия, имеют такую степень напряжения, что требуют и более выразительных средств осмысления, чем только абстрактный интеллектуальный анализ. Иные же философские позиции нуждаются в саркастической, сатирической критике. Мандевиля как раз отличало стремление соединить философию с художественной литературой. Он работал на их стыке и оставил много превосходно написанных философских страниц. Он черпал и из философских, и из литературных источников. На его творчество оказали влияние и философские концепции Гоббса, Спинозы и Локка, и моралистическая эссеистическая проза Монтеня, Ларошфуко и Лабрюйера.

Мандевилю у нас долго уделяли недостаточно внимания. «Басня о пчелах» (и то только первый том) впервые была издана на русском языке лишь в 1974 г. (она вышла в библиотеке «Философское наследие» в переводе Е.С.Лагутина и под общей редакцией Б.В.Мееровского). Второй раз она появилась в 2000 г. в серии «Памятники философской мысли». В этом издании помещен мой стихотворный перевод басни «Возроптавший улей, или мошенники, ставшие честными» вместо прозаического подстрочника, содержащегося в издании 1974 г. Так уж случилось, что эта поэма длительное время существовала на русском языке лишь в прозаическом переложении. А ведь именно из нее выросло произведение, прославившее Мандевиля, – его знаменитая «Басня о пчелах», рассмотрение которой и составляет основное содержание настоящей книги.

І. ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Современный исследователь практически лишен документов (писем, дневников, воспоминаний современников), позволяющих воссоздать биографию Бернарда Мандевиля. Большинство из немногих дошедших до нас сведений о Мандевиле взяты из вторых рук. В них или слышатся отзвуки того возмущения, которое вызвало в обществе его сочинения, или содержатся такие сообщения об обстоятельствах его жизни, в правдивости которых законно усомниться. Однако некоторые новые данные о жизни и деятельности Мандевиля получены в результате исследований, проведенных в 20–30-х годах прошлого столетия. Здесь надо прежде всего отметить работы Ф.Б.Кейя, уточнившего состав корпуса произведений Мандевиля и издавшего в 1924 г. двухтомник «Басня о пчелах» с «критическими, историческими и объяснительными комментариями». Далее следует указать на работы П.Б.Андерсона 1936–1937 гг.*, в которых были установлены участие Мандевиля в издании журнала «Болтунья» («Female Tatler») и принадлежность ему целого ряда помещенных в нем статей. Во второй половине прошлого века число научных публикаций о Мандевиле возрастает, однако даже в обстоятельных книгах его биографии отводится лишь несколько страниц.

Предки Мандевиля, французы по происхождению, появились в Голландии, по-видимому, на рубеже XVI и XVII вв. Возможно, они переселились сюда из Франции из-за преследований, которым

* См. аннотированную библиографию работ о Мандевиле в кн.: Monro H. The ambivalence of Bernard Mandeville. Oxford, 1975.

подвергались там гугеноты. Известно одно: Бернард был крещен в реформатской церкви. Его прадед был известным в свое время врачом, членом городского управления и ректором латинской школы в Ниджмегене. Врачами были и его дед, и отец. Бернард Мандевилль родился в 1670 г. Местом его рождения одни называют Дордрехт, другие – Роттердам. Детские и школьные годы Мандевилль провел в Роттердаме; здесь он учился в эразмианской школе*, которую окончил в 1685 г. Представитель династии медиков, он выбрал для своего выпускного школьного сочинения тему «О медицине». Эта работа была опубликована в Роттердаме в 1685 г. А в октябре того же года Мандевилль поступил в Лейденский университет с твердым намерением стать врачом. В университете помимо медицины он занимался еще философией и в 1689 г. защитил диссертацию «Философские рассуждения о действиях неразумных существ», в которой в картезианском духе доказывал автоматизм поведения животных. Правда, позднее он придет к выводу, что не только сердце, мозг, нервы, но и органы чувств, а следовательно, и сами чувства у высших животных такие же, как у человеческого существа, и будет иронизировать над последователями «этого тщеславного мыслителя» Декарта (1, 174). Но это будет потом, а пока молодой дипломированный философ продолжал свое медицинское образование. Университет Мандевилль окончил в 1691 г., получив степень доктора медицины: Специализировался он по нервным и психическим заболеваниям.

После окончания университета Мандевилль некоторое время путешествовал по Франции и Италии. Потом отправился в Англию, чтобы усовершенствовать свое знание языка, и решил туда переселиться. В те годы в Англию хлынула большая волна голландских переселенцев, последовавших за штатгальтером Вильгельмом Оранским, который в результате «Славной революции» 1688 г. получил английскую корону. Мы не знаем, когда именно Мандевилль переехал в Англию, но известно, что, окончательно обосновавшись в Лондоне, он в феврале 1699 г. женился на Руфь Элизабет Лоренс и имел от нее двух детей – сына и дочь. О его последующей жизни в Лондоне мы имеем лишь скудные и не всегда согласованные сведения. Мандевилль все больше времени уде-

* Школа, где воспитание учащихся строилось на принципах, восходящих к учению голландского гуманиста Эразма Роттердамского.

лял литературной работе. На первое десятилетие после женитьбы приходится публикация всех его литературно-художественных произведений. В Лондоне тогда была сосредоточена вся культурная жизнь страны. Здесь издавались основные газеты и журналы, здесь же находились самые солидные издательства. Здесь в кофейнях, тавернах и книжных лавках встречались писатели, критики, художники, политиканы, чтобы обсудить последние новости литературы и общественной жизни. В этих местах нередким гостем был и Мандевиль. На некоторое время он целиком отдался журналистике. С ноября 1709 по март 1710 г. Мандевиль выпустил около тридцати номеров «Болтуни», одного из тех многочисленных журналов, развлекавших читателей «эссеями» нравоописательного и дидактического содержания, которые появились в те годы в Англии в подражание «Болтуну» («Tatler»), а впоследствии «Зрителю» («Spectator») Дж. Аддисона и Р.Стила. В начале «Болтуня» издавалась от лица миссис Крэкенторп, «дамы весьма осведомленной», на «ассамблеях» которой собирается весь Лондон; затем – от имени «Общества благопристойных дам», однако действительными издателями были Бернард Мандевиль и писательница Сусанна Кентливр.

Положение литераторов было тогда не из легких. Время, когда они пользовались щедрыми подачками богатых и высокопоставленных покровителей, уже прошло. Время, когда они могли бы жить на гонорары, получаемые за издания своих произведений, еще не наступило. Тиражи изданий были небольшие, и суммы, которые книгопродавцы платили авторам, были весьма скромными. Как бы ни был талантлив и трудолюбив писатель, он мог заработать немногим более того, что требовалось для его повседневного существования. Даже такие популярные и преуспевающие современники Мандевиля, как драматург Конгрив и литератор Аддисон, не могли бы жить, как тогда подобало джентльменам, только на те средства, которые они выручали продажей своих сочинений. Те, кто не имел состояния, служили. Свифт был деканом, Аддисон занимал ответственные государственные посты, Стил был комиссаром гербовых пошлин. Мандевиль подрабатывал врачебной практикой.

По-видимому, он пользовался репутацией хорошего врача, хотя практиковал не очень широко. Сам о себе Мандевиль говорил, что по натуре он человек неторопливый и не может уделять вни-

мание более чем дюжине пациентов в день. Джон Хокинс в своей книге «Жизнь Сэмюэля Джонсона» (1787) писал, что Мандевиль жил в довольно-таки невзрачных домах Лондона и никогда не имел большой практики, что вел он себя грубо и вызывающе. Тот же Хокинс утверждал, что Мандевиль публиковал в «London Journal» и в других периодических изданиях статьи в пользу употребления спиртных напитков и за это получал вознаграждение от винокуров. Однако сейчас установлено, что «London Journal» и другие тогдашние газеты никогда не печатали статей такого рода. К тому же известно, что в своих произведениях Мандевиль как раз предостерегал от злоупотребления алкогольными напитками. О Мандевиле упоминает в своей «Автобиографии» Бенджамин Франклин. Он рассказывает, как во время его первого пребывания в Англии в одной захудалой лондонской таверне его представили доктору Мандевилю, который был душой собравшегося там общества и очень остроумным, веселым компаньоном (см. 30, 454). Таковы основные дошедшие до нас сведения о жизни Бернарда Мандевиля.

Однако справедливо говорят, что жизнь писателя – это жизнь его книг. К этому можно добавить, что из книг, если это настоящие книги, в которые писатель вложил себя, перед нами встает и его личность. Произведения Мандевиля именно таковы, и поэтому они позволяют в общих чертах воссоздать духовный облик их автора. Ироничный и тонкий психолог; мыслитель, развивающий свою концепцию до самых последних, до самых крайних ее логических следствий; ум трезвый, острый и реалистический, абсолютно чуждый какой-либо сентиментальности и каких-либо иллюзий и вместе с тем постоянно нуждающийся в образе, в живом примере, который подтвердил бы излагаемую мысль, – таким рисуют Мандевиля его сочинения.

За тридцать лет своей литературной деятельности Мандевиль написал не так уж много, однако он охватил широкий круг тем и использовал разнообразные жанры. Корпус его сочинений составляют сборники подражательных и самостоятельных стихотворений, художественная проза, философские трактаты и диалоги, медицинский трактат, публицистика. Вот основные вехи литературного творчества Мандевиля. В 1703–1704 гг. выходят подряд три сборника его стихотворных подражаний Лафонтену, Эзопу и Скаррону. В 1709 г. он издает прозаическое произведение «Разо-

благенная девственница, или Женские разговоры между почтенной старой девой и ее племянницей». В 1711 г. публикует написанный в форме трех диалогов «Трактат об ипохондрических и истерических страстях». В 1720 г. выпускает книгу «Свободные мысли о религии, церкви и национальном счастье». В 1724 г. печатает памфлет «Благопристойная защита публичных домов», а в 1725 г. – «Исследование о причинах частых казней на Тайберне». Последние произведения Мандевиля датируются 1732 г. Это «Исследование о происхождении чести и о пользе христианства в войне» и «Письмо к Диону». Но на протяжении всей своей литературной деятельности Мандевиль неоднократно переиздает – дополняя и расширяя – свое главное сочинение, «Басню о пчелах». О жизни этой книги мы знаем больше, чем о жизни ее автора, скончавшегося 21 января 1733 г.

II. БИОГРАФИЯ КНИГИ

Летом 1705 г., в разгар предвыборной кампании, на улицах Лондона появилась анонимно изданная брошюра, озаглавленная «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными». Перепечатанная вскоре в пиратских изданиях* и продававшаяся по полпенса за экземпляр, она широко распространилась по городу.

Это была написанная в стихах басня, оригинальная по сюжету и парадоксальная по своей основной мысли. В басне рассказывалась история богатого пчелиного улья, который славился своими законами и военной мощью, был великим рассадником промышленности и наук, но в котором вся жизнь изобиловала всевозможными пороками, плутнями и мошенничеством. Ни одно ремесло, ни одна профессия, ни одна должность не обходились здесь без обмана. Плутовали не только многочисленные аферисты и проходимцы. Ремесленники и торговцы надували заказчиков, покупателей и друг друга. Адвокаты в ненасытной жажде гонораров разжигали споры и умножали число тяжб. Падкие на взятки судьи намеренно откладывали слушание дел. Врачи больше дорожили своими доходами и репутацией, чем здоровьем пациентов. Жрецы под маской благочестия скрывали свое тунеядство, сластолюбие и алчность. Преступные генералы уклонялись от сражений и вступали в сделки с неприятелем. А министры обкрадывали корону, которой сами же служили.

* Так назывались самовольные издания, организаторы которых не связывали себя никакими обязательствами по отношению к авторам.

Но вот что было знаменательно: на этом всеобщем плутовстве зиждились процветание и величие всего пчелиного общества, и порок каждого благодаря умелому управлению ульем способствовал счастливой гармонии целого. Ибо скупость, накапливая богатства, создавала условия для расточительства; стремление к роскоши давало работу миллионам бедняков; тщеславие, зависть и алчность возбуждали трудолюбие; а непостоянство моды и вкусов служило двигателем торговли.

И когда обитатели улья, уставшие от непрерывного обмана и надувательства, взмолились, чтобы боги сделали их, наконец, честными, и разгневанный Зевс исполнил их просьбу, жизнь улья изменилась до неузнаваемости. Оказались без дела не только адвокаты, судьи, тюремщики и многочисленные чиновники – лишись работы и миллионы тех, кто продавал свой труд, так как с исчезновением богатства и роскоши, с ограничением потребностей и опрощением всей жизни свернулись целые отрасли производства, пришли в упадок ремесла, искусства и торговля. От прежнего процветания не осталось и следа, улей опустел и зачах и вскоре стал жертвой опустошительного вражеского нашествия.

Заключаящая басню «Мораль» гласила: наслаждаться богатством, славой и комфортом и при этом избежать больших пороков – пустая утопия; наши пороки, если они связаны правосудием, приносят обществу выгоды; одна лишь добродетель не может обеспечить народам достаток и процветание, и те, кто хотел бы возродить золотой век, должны быть готовы не только стать честными, но и питаться желудями.

Если бы Мандевиль, а именно он был автором басни, ограничился лишь публикацией «Возроптавшего улья», то, возможно, в восприятии современников, да и в нашем он остался бы просто остроумным памфлетистом. Но эта аллегория, эта ироническая поэма, эта маленькая ядовитая брошюрка была только началом работы, которая захватила Мандевилья на всю жизнь. Он вновь и вновь переиздавал ее, сопровождая текст стихотворения комментариями, философскими трактатами, ответами критикам. Он возвел содержащиеся в басне мысли на уровень универсальной социальной и философской проблематики. И, обрастая все новыми и новыми дополнениями, его брошюра превратилась в двухтомную книгу, которой суждено было сыграть значительную роль в развитии английской философии и литературы XVIII в.

Первое расширенное издание «Возроптавшего улья» вышло в 1714 г., в том же году появилась его перепечатка. Наряду с поэмой в издание вошли «Предисловие» и небольшое философское сочинение «Исследование о происхождении моральной добродетели» с предпосланным ему кратким «Введением». Стихи сопровождались двадцатью пространными комментариями, занимавшими большую часть книги и по своему объему во много раз превосходившими текст стихотворения. Комментарии были построены как конкретные пояснения и подтверждения мыслей, сформулированных в строках поэмы, но в сущности имели и самостоятельное значение, поскольку в развернутой и законченной форме излагали взгляды автора на весьма широкий круг проблем. Они представляют собой прелюбопытные заметки, из которых многое почерпнет и философ, и психолог, и историк, и экономист. В них затрагиваются вопросы торговли и экономики, политики и этики, религии и воспитания. Психологические наблюдения и анализ человеческих аффектов соседствуют здесь с зарисовками быта и нравов тогдашнего английского общества, а замечания на злободневные темы – с экскурсами в область древней и недавней истории. Вся книга теперь называлась «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества». Под таким названием она и вошла в мировую литературу.

Через девять лет, в 1723 г., появилось второе издание «Басни». Кроме материала первого издания оно содержало еще две работы: «Опыт о благотворительности и благотворительных школах» и «Исследование о природе общества». Было также добавлено два новых комментария, а четыре из двадцати прежних существенно дополнены. Книга сразу же вызвала резкую критическую реакцию. Она была осуждена большим жюри графства Мидлсекс, и с этого момента Мандевиль стал объектом самых разнузданных поношений. История эта стоит того, чтобы рассказать о ней подробнее.

В заявлении большого жюри Мидлсекса (т. е. присяжных, решающих вопрос о подсудности какого-либо дела) отмечалось, что в последнее время публикуется множество книг и памфлетов, «направленных против священных догматов нашей святой религии и всего благочиния и порядка в церкви» (1, 333), что такого рода сочинения приводят к распространению неверия и, следовательно, к

подрыву всех моральных устоев и «самого основания, на котором стоит правительство его величества». Присяжные напоминали о «доброде всемогущего», который недавно спас Англию от чумы, за какую великую милость его величество повелел вознести благодарственные молитвы небу, и указывали, насколько должно быть досадно всемогущему, что его милости и благодеяния, ниспосланные Англии, сопровождаются столь вопиющими проявлениями нечестия. После такой преамбулы следовали пункты обвинений против этих «фанатиков неверия», которые уличались в ереси, в отрицании провидения и власти «всемогущего» в мире, в оскорблении духовенства, в поношении университетов и в нечестивых мыслях о ненужности обучения молодых людей началам христианской религии. А последний, пятый пункт, в частности, гласил, что, вознамерившись «более успешно продолжать эти сатанинские дела, они прибегли к обдуманному уловкам и прикрылись фальшивыми фразами, чтобы обрушиться на религию и добродетель как на приносящие вред обществу и пагубные для государства и восхвалять роскошь, скупость, гордость и всякого рода пороки как необходимые для благосостояния народа...» (там же, 334). Заявление присяжных заканчивалось словами: «Так как упомянутые принципы непосредственно направлены на подрыв всей религии и гражданского правления, наш долг перед всемогущим, наша любовь к стране и уважение к нашей присяге обязывают нас сделать настоящее заявление в отношении... издателя книги, названной «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества», 2-е издание, 1723 г.» (там же).

Заявление было опубликовано в газете «Evening Post» от 11 июля 1723 г. А 27 июля в газете «London Journal» появилось пространное письмо к лорду С., в котором некий Теофил Фило-Британус, не стесняясь в выражениях, бросал автору «Басни о пчелах» аналогичные обвинения. Мандевиль не замедлил с ответом. В той же газете «London Journal» 10 августа была помещена его отповедь критикам. Вышедшее в 1724 г. третье издание «Басни» было дополнено «Защитой книги от клеветы, содержащейся в заявлении большого жюри Мидлсекса и бранном письме лорду С.», причем в своей «Защите книги» Мандевиль в целях объективного осведомления читателей о характере спора привел полный текст заявления присяжных и письма к лорду С.

По-видимому, непосредственным поводом к столь суровому осуждению книги, первое издание которой вообще не вызвало никакой публичной критики, был помещенный в ней «Опыт о благотворительности и благотворительных школах». Во всяком случае так думал сам Мандевил. Действительно, содержащиеся в «Опыте» осмеяние благотворительности и доказательство ненужности благотворительных школ должны были восстановить против него множество лиц – не только англиканское духовенство, состоятельных филантропов, попечителей и учителей, но и многих рядовых прихожан. Таким образом, «Басня о пчелах», предназначенная, по замыслу автора, для развлечения людей ученых и образованных, книга «строгой и возвышенной нравственности», содержащая «способ суровой проверки добродетели», надежное средство различения подлинного и поддельного, теперь клеймилась как безнравственная, как «подрывающая христианскую веру и самые основы общества». В случае с Мандевилем слишком легко и соблазнительно было прийти к такому силлогизму: поскольку источником добродетели является христианская вера и поскольку не добродетели, а пороки людей являются условием благосостояния всего общества, то, следовательно, вера не только не нужна, но и вредна.

Теперь упреки в неверии, в цинизме, в клевете на человеческую природу сыпались на него со всех сторон. Даже само имя Мандевиля обращалось против него: разложив его, по звучанию, на составные части «man-devil», остряки, что имеют дело с «человеком-дьяволом». Против «Басни» выступили и теологи и светские писатели, в том числе влиятельный критик Джон Деннис и философ Фрэнсис Хатчесон. Вначале Мандевил относился ко всем этим нападкам довольно иронически. В добавлении к «Предисловию» в третьем издании «Басни» он язвительно замечает, что поднявшаяся буря протестов против его книги целиком оправдала имевшиеся у него сомнения в справедливости, мудрости, милосердии и честности тех, на чью добрую волю он хотел положиться, что книгу осудили тысячи людей, не видевшие ни одного слова, в ней напечатанного, а полного опровержения ее со дня на день ожидают от одного преподобного духовного лица, которое вот уже в течение пяти месяцев угрожает дать на нее ответ через два месяца*.

* Имеется в виду Уильям Хендли, все же написавший против Мандевиля «Защиту благотворительных школ».

нее Мандевиль признается, что он еще никогда не подвергался такому поношению с кафедр и в печати, что на него обрушились все безобразнейшие ругательства, какие только могли изобрести злоба и невежество. Втянувшись в полемику, Мандевиль уже не мог с ней развязаться. До конца своих дней он вынужден был разъяснять и растолковывать свои взгляды, изыскивать формы защиты, писать на тему «Басни» все новые страницы. А книга его жила, и критика лишь способствовала ее популярности. Выходили новые издания – в 1725 г. четвертое, в 1728 г. пятое, в 1729 г. шестое, и в том же году появился второй том «Басни».

Второй том состоял из предисловия и шести философических диалогов. Предисловие, а также первый и третий диалоги содержали защиту от обвинений, выдвинутых против «Басни» преимущественно представителями теологического лагеря. Диалоги были написаны в совершенно иной манере, чем работы первого тома. Персонажи диалогов Горацио и Клеоменес ведут между собой спокойную обстоятельную беседу. В разговорах обсуждаются те же взгляды, которые Мандевиль неоднократно излагал и раньше, но появился и ряд новых тем, и среди них – тема христианской религии. Эта тема очень мало занимала Мандевилья в первом томе «Басни», здесь же его заставила обратиться к ней обрушившаяся на него критика.

III. САТИРИЧЕСКАЯ АТАКА НА ЛИЦЕМЕРИЕ

Памфлет «Возроптавший улей» был подготовлен предшествующими поэтическими опытами Мандевиля, его подражаниями Лафонтену, Эзопу и Скаррону, с которых он начал свою литературную деятельность. Свою ироническую поэму Мандевиль сотворил из сюжета басни Эзопа «Пчелы и Зевс» и перефразированного парадокса «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского. В эзоповской басне рассказывается о пчелах, явившихся к Зевсу с просьбой дать им силу поражать жалом всякого, кто подойдет к сотам; разгневавшийся на их злонравие Зевс сделал так, чтобы, ужалив кого-нибудь, они тотчас теряли жало, а вместе с ним и жизнь. Тема ропшущих пчел, их обращения к Зевсу и наказания, которое Зевс на них налагает, удовлетворяя их просьбу, является общей у Эзопа и Мандевиля. Однако весьма различны, даже противоположны, решения этой темы. Мораль басни Эзопа проста и очевидна: злобные люди сами себе приносят вред. Мораль же басни Мандевиля сложна и парадоксальна: то, что считается злом в каждом отдельном индивидууме, является благом для общества в целом. Усложнение содержания модифицировало и форму, и Мандевиль признавался, что затрудняется точно определить, к какому жанру относятся написанные им строфы.

И все же он напрасно колебался в определении рода своего произведения. Его история пчелиного улья содержала все элементы сатиры. Сатирические образы лиц различных профессий и занятий, разного состояния и положения в обществе, погрязших во

всевозможных пороках, иллюстрировали мысль Мандевилья о том, что искусное политическое управление создает хорошо организованное общественное целое из самых презренных частей. А ироническое описание того, к чему в конце концов пришли пчелы, став честными и порядочными, служило утверждению его основного тезиса о полезности пороков во всех великих, богатых и могущественных государствах. Чтобы предупредить неправильное толкование басни как сатиры на добродетель и как апологию порока, Мандевиль в «Предисловии» к изданию 1714 г. ясно рассказал о намерении, с которым она была написана. Главная цель басни заключалась в том, чтобы, во-первых, показать невозможность наслаждаться теми жизненными удобствами, которыми располагает трудолюбивая, богатая и могущественная нация, и одновременно обладать «всеми благословенными добродетелями и невинностью» и, во-вторых, разоблачить безрассудство тех, кто, стремясь к богатству и будучи жаден до всех благ, в то же время громко порицает пороки и неудобства, совершенно неизбежные при таком строе жизни. Против этих лиц и было направлено острие сатиры.

Ни у кого никогда не вызывало сомнения, какую страну следует понимать под пчелиным ульем. В большом, богатом и воинственном улье, счастливо управляемом на началах ограниченной монархии, всякий узнавал послереволюционную Англию. Однако вопрос об объекте мандевильевской сатиры обсуждается до сих пор. Так, Т.Хорн в своей книге «Социальная мысль Бернарда Мандевилья» полагает, что, создавая «Возроптавший улей», Мандевиль имел в виду деятельность «Общества для исправления нравов», что именно взгляды членов этой ассоциации были непосредственным объектом его атаки (см. 37, 7). «Общество для исправления нравов» возникло в Лондоне в 1692 г. и в начале следующего столетия, в период правления королевы Анны, представляло собой довольно широкую организацию, развернувшую по всей стране активную деятельность. Для борьбы против бытовавшей еще со времен реставрации Стюартов распущенности нравов объединились и англиканские «низкоцерковники», и диссиденты, и простые миряне. Члены «Общества» издавали множество памфлетов, направленных против пьянства, сквернословия и разного рода непристойного поведения, выступали с лекциями и проповедями. Считая, что судьи и местные власти ведут себя слишком неради-

во в деле ограждения достоинства граждан, защиты женщин от оскорблений и установления хотя бы видимого порядка, они брали на себя инициативу возбуждения судебных дел, писали доносы, давали показания в судах. Результатом этого были десятки тысяч судебных преследований. Вместе с тем в некоторых английских кругах все эти акции «Общества» вызывали недовольство. «Высокоцерковники» не одобряли деятельности «Общества», апеллировавшего не к церковному, а к светскому суду, и считали, что для борьбы с безнравственностью надо возвратиться к строгости древней церкви (см. 29, 344). Некоторые просто не хотели поощрять доносительство, и многие судьи вообще отказывались выслушивать показания филантропов-доносчиков. Во всяком случае работа «Общества для исправления нравов» была заметным явлением в английской жизни. На нее откликнулся Даниэль Дефо в своей поэме «Исправление нравов» (1702), она не могла не обратить на себя и внимание Мандевилля. Однако ограничивать объект его сатиры только членами этого «Общества» было бы явным сужением ее значимости.

Более правильно подходит к этому вопросу Ф.Харт, указывая, что басня обличала христианский ригоризм и то лицемерие, к которому неминуемо вело христиан расхождение между их доктриной и практикой (см. 36). При этом имелись в виду не только благочестивые и ученые прелаты, о которых Мандевиль с иронией писал, что они в своей заботе об обращении людей молили бога о том, чтобы он отвратил сердца от всех плотских желаний и всего мирского, и в той же самой молитве просили его излить на королевство всю земную благодать и мирское блаженство – подразумевались вообще все те, кто, исповедуя евангельскую добродетель, одновременно стремился к мирскому преуспеянию и богатству. Но в действительности смысл его сатирической критики был более глубоким. В одном из комментариев к «Возроптавшему улью» Мандевиль изложил притчу, в которой нарисовал образ насквозь лицемерного государства. Хотя в ней он и рассказывает о стране, существовавшей «в стародавние языческие времена», смысл ее достаточно очевиден, чтобы ввести кого-либо в заблуждение.

«Говорят, что в стародавние языческие времена существовала причудливая страна, где люди очень много говорили о религии, а большинство их, по крайней мере, по внешнему проявлению, казались действи-

тельно набожными. Главным нравственным злом у них была жажда, а утоление ее считалось смертным грехом; все же они единодушно признавались, что все рождались более или менее жаждущими, и всем разрешалось умеренное потребление слабого пива, а тот, кто притворялся, что может вообще жить без него, считался лицемером, циником или сумасшедшим; однако те, кто признавался в любви к пиву, и кто употреблял его без меры, считались безнравственными. В то же время само пиво почиталось как божья благодать, ниспосланная с небес, и в употреблении его не было никакого вреда: вся гнусность лежала в попытке ввести в заблуждение относительно того мотива души, который заставлял их пить пиво. Тот, кто употреблял хотя бы малейшую каплю его для утоления жажды, совершал ужасное преступление, в то время как другие выпивали безо всякой вины со своей стороны огромное количество пива, ибо делали это равнодушно и по одной только причине – чтобы улучшить цвет лица.

Они варили пиво не только для своей страны, но и для других стран, и в обмен на посылаемое за границу слабое пиво получали большое количество вестфальской ветчины, бычачьих языков, окороков, болонских колбас, копченой сельди, осетрины, икры, анчоусов и всего того, что необходимо, чтобы с удовольствием пропускать их напиток в желудок. Тем, кто обычно держал при себе большие запасы слабого пива и не потреблял его, обычно завидовали, и в то же время общество их ненавидело, и все, кому на долю доставалось мало пива, испытывали беспокойство. Они считали, что было бы самым большим бедствием, которое может на них обрушиться, если бы у них на руках оставалось много хмеля и ячменя, и, чем больше они потребляли их ежегодно, тем больше, по их мнению, процветала страна.

Правительство издавало очень мудрые постановления относительно тех доходов, которые они получали от экспорта, очень поощряло ввоз соли и перца и облагало очень большими пошлинами все, что могло каким-либо путем помешать продаже их собственного хмеля и ячменя. Те, кто стоял у руля, показываясь на публике, демонстрировали, что они совсем избавлены от жажды и полностью лишены ее, и приняли ряд законов, чтобы предотвратить ее рост и наказать тех безнравственных людей, которые открыто осмеливались ее утолять. Если же рассмотреть их как частных лиц и пристально взглянуть в их жизнь и беседы, то они, оказывается, любили слабое пиво больше других и пили его больше, но всегда под тем предлогом, что для улучшения цвета их лица требовалось больше напитка, чем для тех, кем они правили, и что главное, о чем они заботились, игнорируя свои собственные интересы, – это обеспечить изобилие слабого пива у подданных вообще и большой спрос на их хмель и ячмень.

Поскольку никому не запрещалось пить слабое пиво, священники употребляли его так же, как и миряне, и некоторые из них – в изрядном количестве; тем не менее все они желали, чтобы по причине их занятия

считали их менее жаждущими, чем другие, и никогда не признавались, что они пили с какой-либо иной целью, кроме улучшения цвета лица. В своих религиозных собраниях они были более откровенны, и как только они туда приходили, все они, как священники, так и миряне, от самых высокопоставленных до самых ничтожных, открыто признавались, что им хотелось пить, что менее всего их тревожит изменение цвета лица и что все их помыслы устремлены на слабое пиво и утоление жажды, что бы они не выдвигали в качестве предлога. Примечательно было то, что считалось в высшей мере наглым воспользоваться этим откровением в ущерб кому бы то ни было и употребить эти признания потом, вне храмов, и каждый считал ужасным оскорблением, если его называли жаждущим, хотя бы видели, как он поглощал слабое пиво целыми бо-чонками. Главными темами их проповедей были великое зло жажды и безумство ее утоления. Они призывали своих слушателей сопротивляться этому искушению, яростно поносили слабое пиво и часто говорили им, что это яд, если его пьют с удовольствием или с какой-либо иной целью, кроме улучшения цвета лица.

Выражая признательность своим богам, они благодарили их за изобилие слабого пива, которое они получили от них и которое служило им утешением, хотя они так мало его заслуживали, и постоянно утоляли им свою жажду, в то время как были глубоко убеждены в том, что пиво было дано им для иного, лучшего применения. Испросив прощения за эти проступки, они просили богов уменьшить их жажду и дать им силу сопротивляться ее назойливости; однако в разгар своего самого горького раскаяния и самых смиренных молитв они никогда не забывали о слабом пиве и молились о том, чтобы они по-прежнему имели его в изобилии, торжественно обещая, что, какими бы небрежными они ни были ранее в этом деле, в будущем они не выпьют ни капли его, кроме как для улучшения цвета лица» (1, 216–218).

К лицемерию склонны многие, и не только те, кто известен своей порочностью, констатирует Мандевиль. Ибо когда пытаешься узнать, какую же реальную ценность люди придают духовным началам, то обнажаешь их весьма мирские и своекорыстные интересы. Стыдясь собственных многочисленных слабостей, люди стремятся спрятать свою наготу друг от друга и скрывают истинные мотивы своего поведения под маской благочестия и заботы о высшем общем благе. Через сто с лишним лет, в 1844 г., молодой Ф.Энгельс в статье «Положение Англии. Восемнадцатый век» напишет следующие строки: «Характер английской национальности – это неразрешенное противоречие, соединение самых резких

контрастов. Англичане – самый религиозный народ в мире и в то же время самый иррелигиозный; они больше беспокоятся о потустороннем мире, чем какая-либо другая нация, и, однако, живут при этом так, как будто для них нет ничего другого, кроме земного существования; их надежда на небо нисколько не мешает им верить так же крепко в «ад незарабатывания денег»» (20, 1, 601). МанDEVиль был, наверное, первым из английских философов и моралистов, кто подверг это двуликое сознание своих соотечественников едкой и беспощадной критике и показал, с каким моральным отчуждением связаны их свобода, собственность и благополучие.

IV. УЧЕНИЕ ОБ АФФЕКТАХ

Будучи сатирой, «Возроптавший улей» представлял собой и аллегория определенной теоретической точки зрения на природу человека и общества. И здесь мы должны обратиться к одному из специфических созданий философии XVII в. – учению об аффектах. Гоббс и Спиноза были гениями этого учения. Его последовательно придерживался и доктор Мандевиль. Как и Спиноза, он считал аффекты, т. е. свойственные человеческому естеству виды влечения и отвращения, самой сущностью человека. Подобно Спинозе, он рассматривал аффекты как состояния тела, которые усиливают или ослабляют способность тела к действию и, овладевая человеком, управляют им, хочет он того или нет. Именно в аффектах Мандевиль видел и фактор неизменности природы человека «со времен грехопадения Адама», и условие его жизненной активности. Исходя из этих реальных психофизиологических составляющих человеческой природы, он строил и свою систему этики.

На страницах комментариев к «Возроптавшему улью» Мандевиль описал многие человеческие аффекты, равно как и обличия, которые они принимают. Мы находим здесь характеристики стыда и гордости, зависти и любви, ревности и надежды, страха и гнева, жалости и испуга. Мандевиль исследует все эти компоненты человеческой природы, дает им определения, приводит их примеры, указывает их симптомы. Природой положено, что все аффекты прямо или косвенно содействуют самосохранению человека, имеют ко-

нечной целью удовлетворение его себялюбия. Средства, при помощи которых природа понуждает человека заботиться о себе, заложены в нем самом и именуются желаниями. Они вынуждают человека либо жаждать того, что, по его мнению, поддержит его или доставит ему удовольствие, либо избегать того, что может вызвать его неудовольствие или повредить ему. И Мандевиль разбирает, как аффекты взаимодействуют друг с другом, как один аффект подавляется другим, более сильным, более полно удовлетворяющим то же самое себялюбие. Он разлагает сложные аффекты на составные части, т. е. показывает, из каких аффектов они состоят. Ведь человек соткан из таких странных противоречий! И с аффектами у человека дело обстоит так же, как с колерами ткани: легко распознать красный, зеленый, голубой, желтый, черный и другие цвета, когда видишь их по отдельности; однако нужно быть художником, чтобы распознать все различные краски и пропорции, в которых они тщательно смешаны, когда они составляют единый цвет ткани. Подобным же образом всякий может обнаружить аффекты, когда они проявляются отчетливо и какой-нибудь один аффект целиком охватывает человека; но очень трудно проследить каждый побудительный мотив тех поступков, которые являются результатом смешения ряда аффектов.

В рамках своей концепции аффективной природы человека Мандевиль определяет и такие понятия, как «благовоспитанность» и «добродетель». Первое надо четко отличать от последнего. Благовоспитанность требует лишь, чтобы мы маскировали свои аффекты; она состоит в вырабатываемой при помощи наставлений и примеров привычке льстить гордости и эгоизму других и предусмотрительно и ловко скрывать свои собственные гордость и эгоизм, дабы в итоге более полно удовлетворить их. Избегая всего, что в глазах света считается следствием гордости, воспитанный человек, не унижая себя и лишь в малой степени подавляя свой аффект, «жертвует только незначительной внешней частью своей гордости, которой восторгаются одни только глупые невежественные люди, ради той ее части, которую все мы ощущаем внутри себя и которой с таким восторгом, но молча питаются люди самого высокого духа и самого возвышенного гения» (1, 95). Такие аффекты, как вождение или тщеславие, оказывали бы разрушительное воздействие на общество, если бы проявлялись во всем своем

естественном, обнаженном виде. Хорошее же воспитание, позволяя скрывать их, делает их общественно приемлемыми, при этом нисколько не лишая людей тех наслаждений, которые они получают от их удовлетворения. Иное дело – добродетель. Она связана с подавлением аффектов. Не с подавлением одного аффекта другим, иной раз и выливающимся в доброе деяние, а с самоотречением, с победой над аффектами и с сознательным стремлением действовать на благо других и творить добро. Но и это стремление возникает на основе реальных качеств человеческой природы, таких аффектов, как стыд и гордость, «в которых содержится в зародыше большинство добродетелей» (там же, 84).

Вот как определяет и описывает Мандевиль аффекты стыда и гордости, в которых коренится моральная добродетель. Стыд – это чувство собственной недостойности, связанное с опасением, что другие либо заслуженно презирают тебя, либо могли бы презирать, если бы всё о тебе знали. Противоположностью стыда является гордость. Одержимый ею ценит себя выше и думает о себе лучше, чем позволил бы любой беспристрастный судья. «Когда человека одолевает стыд, он наблюдает, что падает духом; сердце кажется холодным и сжатым, и кровь бежит от него на периферию тела; лицо горит, шея и часть груди тоже пылают; он тяжел, как свинец; голова опущена вниз, а глаза сквозь туман смущения смотрят только в землю; никакие обиды не могут его тронуть; он устал от самого своего существования и страстно желает сделаться невидимым. Но когда, удовлетворив свое тщеславие, он торжествует в гордости, то обнаруживает прямо противоположные симптомы: дух его играет и гонит кровь по артериям; теплота, большая, чем обычно, укрепляет и расширяет сердце; конечности спокойны; он ощущает легкость во всем теле и воображает, что мог бы ступить по воздуху; он высоко держит голову, а глаза его смотрят вокруг весело; он радуется своему существованию, склонен к гневу и был бы рад, если бы весь мир мог заметить его» (1, 84–85).

А вот анализ аффекта сострадания, или жалости, обнажающий характер аффекта как эмоциональной реакции на непосредственные воздействия, оказываемые на органы чувств человека, и проливающий некоторый свет на механизм эстетического переживания. Этот аффект возникает в нас в результате воздействия объекта сострадания на органы зрения или слуха; чем ближе объект и

чем сильнее он затрагивает наши чувства, тем большее волнение он возбуждает в нас; чем более он удален, тем меньше он нас беспокоит. Мандевиль ссылается на примеры публичных казней на Тайберне, которые наряду с Бедламом – домом для умалишенных служили одним из самых занимательных зрелищ. «Если мы наблюдаем казнь преступников, находясь очень далеко от нее, то она мало трогает нас по сравнению с тем, что мы испытываем, когда находимся достаточно близко и видим движения души в их глазах, наблюдаем их страх и агонию и в состоянии читать муки в каждой черте лица. Когда предмет полностью удален от наших чувств, рассказ о бедствиях или чтение о них никогда не могут возбудить в нас аффект, называемый жалостью» (1, 233). Такие моральные добродетели, как человеколюбие и милосердие, не позволяют нам оставаться равнодушными и безразличными к страданиям и бедам других, и разум предписывает, чтобы наши чувства были одинаковы, независимо от того, совершается что-то далеко от нас или же непосредственно перед глазами. И все же, когда люди утверждают, что они жалеют тех, кого не видят, им следует верить не больше, чем когда они говорят, что являются нашими покорными слугами. Призывать жалость по своему произволу можно не больше, чем любовь, страх или гнев. Правда, те, кто обладает сильным и живым воображением и может вызвать в уме такие представления о вещах, какие возникли бы в том случае, если бы эти вещи действительно были перед ним, способны взвинтить себя до такого состояния, которое напоминает сострадание. Однако это достигается искусством и представляет собой лишь имитацию жалости. Нечто подобное происходит с людьми на представлении трагедии.

Все эти разработки обличают в Мандевиле тонкого психолога, стремящегося создать цельную аффективную теорию душевной жизни. Но учение об аффектах служило у Мандевила и определенным социальным представлениям; его конечной задачей было показать роль и значение аффектов в общественной жизни. «Показать, что эти качества – а мы все притворяемся, что стыдимся их – служат надежной опорой любого процветающего общества, является темой моего стихотворения», – писал он (1, 64). Чтобы сделать общество богатым и могущественным, надо затронуть аффекты людей. Они разбудят у них желания и подвигнут на различные свершения. «Человек только тогда прилагает усилия, когда его

побуждают к этому его желания. Когда они дремлют и ничто их не возбуждает, его превосходные качества и способности никогда не будут раскрыты» (там же, 176). Последнее наблюдается в небольших, бедных и малочисленных по населению обществах, довольствующихся натуральным хозяйством, не знающих ни внешней торговли, ни искусств, ни наук. Здесь в состоянии ленивого покоя живут честные и доброжелательные люди; здесь нет больших пороков и господствуют хилые добродетели. Напротив, в густонаселенных, богатых, развитых государствах, где существуют частная собственность и различные ремесла и производства, где ведется интенсивная и разнообразная торговля и обретают власть деньги – «корень столь многих тысяч зол», где имеются армия и флот и процветают науки и искусства, раскованные аффекты людей, набирая полную силу, проявляются во всех своих, в том числе и весьма неприглядных, крайностях.

Итак, мы подошли к основной мысли Мандевиля, которую выражала аллегория «Возроптавшего улья», к тому главному его тезису, который он настойчиво доказывал на многих страницах своей «Басни о пчелах». Этот тезис гласил, что отнюдь не лучшие аффекты, не привлекательные качества и добрые чувства делают человека общественным существом – самыми необходимыми качествами, приспособляющими человека к жизни в больших и процветающих обществах, являются его эгоистические наклонности, несовершенства и низменные побуждения: «Ни одно общество не может возвыситься и стать богатым и могущественным королевством или, возвысившись подобным образом, поддерживать свое богатство и могущество в течение сколько-нибудь продолжительного времени без пороков людей» (1, 212). Из этого тезиса и родилось второе, парадоксальное заглавие «Басни о пчелах»: «Пороки частных лиц – блага для общества». Великие надсмотрщики – зависть, скупость и честолюбие – каждый по-своему принуждают людей трудиться и заставляют их подчиняться тяжести и однообразности своего существования. А гордость, чувственность и непостоянство оказываются великими патронами, покровительствующими развитию всех ремесел и профессий, всех искусств и наук.

В строфах «Возроптавшего улья», на страницах комментариев к нему, а также в других произведениях, вошедших в двухтомник «Басни о пчелах», Мандевиль приводит множество при-

меров, которые должны доказать общественную пользу пороков. Перед читателем открывается калейдоскоп сцен, где действуют обманщики-купцы и плуты-лавочники, тщеславные, завистливые модницы и расточительные наследники богатых скряг, сластолюбивые вельможи и щеголи-офицеры. Перед ним встает картина большого города – Лондона, где на всех задворках, почти в каждом доме торгуют спиртными напитками и повальное пьянство являет вид поистине национального бедствия. И все эти страсти и пороки способствуют успехам торговли, расширению производства, занятости населения, росту потребления и доходов и тем самым процветанию общества в целом. Стоит ли пересказывать эти сцены? Такой пересказ проигрывал бы по сравнению с теми живыми картинами, которые рисует сам Мандевиль, – подробными, насыщенными деталями, окрашенными колоритом английской действительности, искрящимися юмором и оплетенными кружевом психологического анализа. Они вызывают ассоциации с «сюитами» Уильяма Хогарта – знаменитыми сериями его гравюр на морально-бытовые темы. Многие примеры взяты Мандевилем из экономической жизни или являются зарисовками нравов, так или иначе связанных с этой жизнью. Мандевиль – врач, психолог, поэт, моралист – был и незаурядным экономистом. О его экономических взглядах еще будет идти речь в IX главе этой книги.

V. ПАРАДОКСЫ МАНДЕВИЛЯ

Мысль о том, что пороки частных лиц приносят блага обществу, и при жизни Мандевиля, и после его смерти была одной из главных мишеней для его критиков. И здесь нападки на Мандевиля велись в самом широком диапазоне: от обвинений в клевете на природу человека и общества до упреков в неправильном употреблении понятий. Взгляды Мандевиля разбирал и Адам Смит в книге «Теория нравственных чувств»; он упрекал Мандевиля в софистике, указывая, что его ошибка заключалась в стремлении представить всякий аффект совершенно порочным. При этом Смит сделал чрезвычайно важное замечание относительно смысла использованных Мандевилем понятий: «Некоторые популярные аскетические доктрины, распространенные в эпоху, предшествующую жизни Мандевиля, и видевшие сущность добродетели в искоренении всех наших аффектов, были истинным основанием для этой слишком свободной системы» (цит. по: 10, 172–173). Смит имел в виду представления кальвинистов-пуритан, достаточно влиятельных в Голландии и Англии в середине XVII в. Нравственный идеал аскетической личности, в которой все аффективное, чувственно-свободное, открытое для радостей жизни подавлено, укрощено и все душевные движения подчинены трезвому, холодному расчету и логике общего дела, был еще очень памятен. Он еще чувствуется в этике Локка, осуждавшего тщеславие и любовь к роскоши и настойчиво подчеркивавшего, что «принцип и основа всякой добродетели и достоинства заключается в том, чтобы чело-

век был способен отказаться от своих желаний, поступать вопреки своим наклонностям и следовать исключительно тому, что указывает разум...» (19, 88). В согласии с этими представлениями Мандевиль и называл всякую изысканность, всякую утонченность нравов, всякое наслаждение жизнью «пороком». Ну а под «благом» понимались материальные, земные блага, и тут Мандевиль говорил, что он употребляет язык того мира и того времени, в котором он живет. Сочетание этих понятий в формуле «пороки частных лиц – блага для общества», хотя и шокировало своей парадоксальностью, в сущности отвечало новой реальности. Англия, изживая пуританство, вступала в эпоху делового и житейского процветания. Мужавший дух капитализма перерастал свою колыбель – суровую протестантскую этику; и Мандевиль, не упуская случая блеснуть очередным парадоксом, острил, что Реформация едва ли более способствовала превращению тех стран, которые она охватила, в процветающие государства, чем «глупое и капризное изобретение» женской роскоши – «стегаемые юбки или нижние юбки на фижмах» (1, 318).

За двести лет до Мандевилья английские гуманисты Джон Коллет и Томас Мор (также не чуждые аскетическим представлениям) мучительно размышляли о том, сколь противны благу общества пороки человеческой природы, которые они связывали с частным интересом. С тех пор утекло много воды, и многое изменилось в Англии. Процессы, которые в те времена только намечались, в полной мере развились и стали определяющими в жизни страны. В Англии сложилось торгово-промышленное буржуазное общество. И хотя в производстве еще господствовала мануфактура и до промышленной революции оставалось несколько десятилетий, вся экономика уже организовалась и функционировала на капиталистических началах. Становилось очевидным, что благу такого общества, если, конечно, под благом понимались его материальное богатство и могущество, служили именно частный интерес, личная выгода. Ибо те, кто преследовал собственный интерес, свою личную экономическую выгоду, как скажет впоследствии Адам Смит, невидимой рукой направлялись к цели, которая вовсе не совпадала с их намерениями, и часто более действенно служили интересам общества, чем если бы сознательно стремились к этому. Такое положение дел по-своему и выражал парадокс Мандевилья, и здесь же следует искать социальный смысл его басни.

Вспоминая Мора, мы, естественно, вспоминаем его «золотую книжечку о наилучшем устройстве государства», его «Утопию», к которой Мора привели, в частности, и размышления о несовместимости частных, своекорыстных интересов людей и блага общественного целого. Об Утопии, о золотом веке говорится и в заключительных стихах «Возроптавшего улья». И здесь напрашивается мысль: не следует ли рассматривать мандевилевскую басню и как одну из ранних антиутопий? Действительно, сатирическое описание того, к чему в конце концов пришли пчелы, освободившись от своих пороков и начав честную и порядочную жизнь, является у Мандевилля одновременно и критикой представлений о золотом веке, который в определенной традиции общественного сознания связывался с идеалом общества всеобщего благосостояния. Развитие сюжета мандевилевской басни, если позволить себе аналогию, подобно ходу логического доказательства посредством «сведения к абсурду», где в роли «абсурда» выступает как раз Утопия. Британский историк А.Л.Мортон в своей книге «Английская утопия», прослеживая эволюцию социально-утопической мысли в Англии с XIV по XX в., указал на явный кризис, который переживала эта мысль именно в послереволюционный период, в XVIII в. Он назвал это время периодом «смятенного разума». И симптомы этого смятения не раз обнаруживаются в иронии автора «Басни о пчелах».

Если богатое и процветающее общество предполагает пороки у своих членов, то простая контрпозиция этого утверждения приводит к выводу, что если люди лишены пороков, то общество не может быть богатым и процветающим. Добродетель, которая, согласно аскетическим принципам, состоит в самоотречении, в победе над всеми аффектами, не может быть свойственна тем, кто привязан к земному богатству и преуспению, ибо такое самоотречение означало бы конец всякой активной и инициативной человеческой деятельности. Смысл многих рассуждений Мандевилля сводится к тому, чтобы показать, как редко встречается в цивилизованном обществе такое самоотречение. Подавляющее большинство тех, кто утверждает, что он отказался от своих чувственных желаний и наслаждений, просто лгут, лицемерят или обманывают самих себя. И здесь перед читателем вновь встает галерея нарисованных Мандевилем типов, теперь уже сильных мира сего, тех, кто

богат и могуществен, – духовных пастырей, высоких сановников, правителей государств. Все они, конечно же, заявляют, что не может быть истинного блаженства в вещах мирских и тленных, но всей своей жизнью и деятельностью показывают, что только в них они и находят наслаждение. «Если великие мира сего, как духовные, так и светские, в какой бы то ни было стране не ценят земных радостей и не стремятся удовлетворить свои желания, то почему так свирепствуют в их среде зависть и мстительность, почему все другие аффекты совершенствуются и делаются более утонченными при дворах государей, больше чем где-либо еще?.. Почему, чтобы быть добрыми и добродетельными и стремиться побороть свои страсти, государственный казначей, или епископ, или даже грансеньор, или папа римский должны иметь возможность получать больше доходов, покупать более дорогую мебель и иметь в личном услужении больше слуг, чем частное лицо? Что же это за добродетель, проявление которой требует такой пышности и таких излишеств, какие можно видеть у всех людей, стоящих у власти?» – иронически вопрошал Мандевиль (1, 160). Он видел лицемерие во всех его видах и обличиях и не уставал разоблачать его.

В поисках ответа на вопрос, откуда у людей, особенно у власть имущих, такая склонность к лицемерию или по меньшей мере к самообману, Мандевиль обращается к близким ему по духу философам, своим советчикам – Мишелю Монтеню и Пьеру Бейлю. Они, известные своими наблюдениями над сложной, противоречивой природой человека, высказали о человеке немало мудрых мыслей. Бейль однажды заметил, что человек – это такое необъяснимое существо, которое зачастую действует вопреки своим понятиям. «Это противоречие в устройстве человека является причиной того, что люди так хорошо понимают теорию добродетели и так редко можно встретить ее проявление на практике», – заключает Мандевиль (там же, 164).

Итак, подлинная, истинная добродетель среди людей встречается нечасто, а то, что часто считается таковой или выдается за нее, есть, увы, добродетель несовершенная. Такова, например, честь, которую Мандевиль подвергает тщательному анализу. Выполненный в обычной для него иронической манере, этот анализ интересен как свидетельство умения Мандевиля конкретно-исторически рассматривать нравственные понятия. Мандевильская трактовка

чести отлична и от определения ее как рода божественной благодати, и от квалификации ее как естественной добродетели – двух основных распространенных в то время концепций чести, которые Г. Фильдинг пародирует в споре между богословом Твакомом и философом Сквейром в третьей книге своего романа «История Тома Джонса, найденыша». «Честь в ее фигуральном смысле, – пишет Мандевиль, – ложная и несуществующая химера, изобретение моралистов и политиков и обозначает определенный принцип добродетели, не связанный с религией и обнаруживаемый у некоторых людей, заставляющий их строго выполнять свой долг и обязательства, какими бы они ни были» (1, 187). Честь побуждает человека сохранять верность тому, во что он верит, предпочитать интересы общества своим собственным, не лгать, не обманывать, не обижать никого и не терпеть ни от кого оскорблений. Она связывает общество и необходима для цивилизации людей, ибо в больших обществах они вскоре превратились бы в жестоких негодяев и вероломных рабов, если бы у них была отнята честь. При этом Мандевиль подмечает и то, что само понятие чести изменяется вместе с изменением общества, и то, что оно носит сословный характер. Так, кодекс чести очень изменился со времен средневекового рыцарства и в XVII в. выглядел значительно более облегченным и удобным, уже не требуя от человека былой рыцарской честности и справедливости. Честь человек может приобрести благодаря воспитанию или общественному положению, но «в знатных семьях честь, подобно подагре, обычно считается наследственной, и все дети лордов рождаются с ней» (там же). В отличие от человека истинно добродетельного самоотречение человека чести в одном желании вознаграждается удовлетворением, которое он получает от другого желания, и то, что он теряет, сдерживая какой-либо свой аффект, вдвойне выплачивается его гордости. Вот как выглядит современный человек чести (Мандевиль, конечно, имеет в виду дворянина): «Человек чести не должен обманывать или лгать; он должен пунктуально возвращать то, что занимает во время игры, хотя кредитору нечего предъявить в качестве доказательства долга; но он может пить, ругаться и брать в долг у всех ремесленников и торговцев города, не обращая внимания на их настойчивые требования заплатить долги. Человек чести должен быть верным своему государю и стране, пока он находится у них на службе; но, если он счи-

тает, что его не ценят, он может уйти от них и причинить им весь вред, какой только может. Человек чести никогда не должен менять свою религию из соображений выгоды, но он может быть таким распутным, каким пожелает, и вообще не исповедовать ни одной. Он не должен покушаться на честь жены, дочери, сестры друга или кого-нибудь еще, доверенного его попечению, но, кроме них, он может спать со всеми женщинами мира» (там же, 206). Анализ понятия чести, содержащийся в комментариях к «Возроптавшему улью», Мандевиль продолжил и в последующих своих работах – в диалогах второго тома «Басни», в «Исследовании о происхождении чести и о пользе христианства в войне». Вместе с тем данное им определение чести вплотную подводит к другому вопросу его этики: как вообще появляется в обществе та система ценностей, которая составляет то, что именуется моральной добродетелью?

VI. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ

Еще Спиноза жаловался, что философы смотрят на волнующие людей аффекты как на пороки и потому высмеивают их, порицают или клянут. Подобные философы рассматривали людей, какими те должны быть, а не такими, каковы они в действительности. «В результате этого вместо *этики* они по большей части писали *сатиру* и никогда не создавали *политики*, которая могла бы найти приложение; их политика может с успехом сойти за химеру или осуществиться в Утопии, или в том золотом веке поэтов, где она менее всего необходима», – писал Спиноза (27, 2, 287). Выпускник Лейденского университета, видимо, хорошо усвоил эти соображения. Он уже написал свою сатиру, где показал, какой золотой век уготован людям, если они лишатся своих пороков. Вслед за тем он опубликовал трактат по этике, в котором решил показать, как искусная политика, умело используя аффекты людей, может создать систему нравственных ценностей.

В истории новой философии Томас Гоббс первым попытался объяснить нравственность как превращенную форму эгоистических устремлений. Правда, у Гоббса эта мысль изложена в самых общих чертах. Из его концепции ясно, что институт морали возникает лишь в условиях политической организации общества и верховная власть устанавливает основания ее общеобязательных норм. В «Исследовании о происхождении моральной добродетели» Мандевиль набросал схему того, как могло произойти такое установление. Вот в главных чертах мандевилевская модель происхождения нравственности.

Поскольку человек является исключительно эгоистичным, упрямым и хитрым созданием, то одним принуждением его нельзя сделать послушным и добиться от него того совершенствования, на которое он способен. Поэтому перед политиками, законодателями и мудрецами, трудившимися над установлением общества, возникла задача заставить людей поверить в то, что для каждого из них выгоднее сдерживать свои эгоистические устремления, чем следовать им, и гораздо лучше принимать во внимание не личные, а общественные интересы. В качестве компенсации за такое самоотречение они изобрели воображаемое, идеальное вознаграждение, пригодное во всех случаях, ничего им не стоящее и наиболее приемлемое для всех.

Эти политики, законодатели и мудрецы, изучив все сильные и слабые стороны человеческой природы и обнаружив, что ни один человек не был ни настолько черств, чтобы не поддаться чарам похвалы, ни настолько испорчен, чтобы сносить презрение окружающих, сделали вывод, что самое лучшее средство, которое может быть здесь использовано, — это лесть. Они всячески льстили человеку, восхваляя его превосходство над другими живыми существами, проницательность его ума и величие души, способное подвигнуть его на самые благородные деяния. Незаметно вкравшись лестью в сердца людей, они внушили им понятия стыда и чести. А затем стали внушать им, насколько не соответствует их достоинству удовлетворение тех желаний, которые роднят их с дикими животными, и забвение тех высоких способностей, которые обеспечивают им превосходство над ними.

Людям постоянно твердили, что только те из них станут достойными представителями человечества, кто сможет обуздать свои низменные наклонности и, совершенствуя свой дух, возвысится до того, чтобы содействие общественному благу предпочесть собственным интересам. Те же, кто, не заботясь о благе других, думает лишь о себе, о своих вожделениях и выгодах и употребляет способности разума лишь на то, чтобы умножать свои удовольствия, объявлялись отбросами рода человеческого, которые ничем не отличаются от диких зверей, кроме внешности. Так, лесть одним и угрожая другим, творцы морали стремились вызвать у людей дух соперничества, возбудить у них желание попасть в число достойных и избежать того, чтобы их считали презренными существами.

Приобщая людей к нравственности, делали ставку на их гордость и тщеславие. Именно чувство гордости побудило самых решительных и лучших из людей переносить множество неудобств и лишений ради честолюбивого удовлетворения от того, что их признают достойными представителями человеческого рода. Тем же, которым не хватало гордости или силы духа, чтобы подавить свои низменные инстинкты, было стыдно считаться презренными существами. И поэтому, оправдывая самих себя, они говорили то же, что и все другие, и, скрывая свои несовершенства, восхваляли самоотречение и заботу об общем благе так же, как и остальные люди. Тем более что они не могли не получать выгод от тех действий, которые предпринимались на благо всего общества, и пожинать плоды трудов и самоотречения других.

Так был или мог быть сломлен дикарь в человеке, и в обществе утвердились моральные добродетели – «плоды политики, которые лещь породила из гордости» (1, 71). Будучи полезными для общежития людей, они одновременно сделали их послушными, и честолюбцы отныне могли извлекать для себя больше выгоды и управлять людьми более легко и безопасно. Отныне все то, что делал человек для удовлетворения своего желания, если в его действиях обнаруживался хотя бы малейший намек на то, что они могли нанести вред другим людям или сделать его самого менее способным оказывать им услуги, называлось пороком; а всякое действие, «при помощи которого человек вопреки природной склонности стремился к благу других или к обузданию своих собственных аффектов, исходя из разумного желания быть добрым», называлось добродетелью (там же, 70).

Совершенно очевидно, что Мандевиль был далек от того, чтобы видеть источник нравственности в божественном откровении, равно как и от какой бы то ни было теологической точки зрения на мораль. В трактате «Исследование о происхождении моральной добродетели» он прямо отвергает мнение о том, что понятие добра и зла и различие между добродетелью и пороком явились результатом религиозных воззрений. Он обращается к примеру языческих религий Древней Греции и Римской империи, чтобы показать, что древние приобщились к морали не благодаря, а вопреки своим верованиям, ибо «их религия не только не учила людей обуздывать свои аффекты и находить путь к добродетели, но,

кажется, была задумана скорее для оправдания их вожделий и поощрения пороков» (там же, 71). Не религия, а искусная политика, использовавшая самые различные средства, чтобы польстить человеческой гордости, тщеславию и честолюбию, утвердили в сознании древних моральные добродетели. Этой цели служили триумфы, устраиваемые в честь победителей, воздвигаемые монументы и статуи, венки, которыми награждали выдающихся граждан, почести, оказываемые мертвым, и публичные панегирики живым. И хотя Мандевиль предупреждает, что, говоря о происхождении нравственности, он имеет в виду не иудеев, не христиан, а человека в естественном состоянии, не познавшего «истинного бога», его «ирония слишком очевидна, чтобы кого бы ни было ввести в заблуждение» (13, 144).

Чтобы обосновать свою умозрительную модель происхождения морали, сделать ее более правдоподобной, Мандевиль всюду ищет подтверждение тому, что существует такой механизм «порождения посредством лести из гордости», которому он приписал решающую роль в формировании морали. И он действительно находит его, например, в тех способах, которыми родители, льстя самолюбию детей, прививают им навыки хороших манер. Намеренно расхваливая ребенка, когда тот поступает так, как от него требуют взрослые, они добиваются того, что, побуждаемый похвалой, он привыкает к соблюдению правил приличного поведения. Мандевиль приводит еще ряд примеров, от подвигов Александра Македонского до спасения ребенка из огня, чтобы подтвердить свой тезис о том, что в основе всех благородных, самоотверженных, великодушных или просто добрых, сострадательных поступков всегда лежит стремление удовлетворить собственную гордость, тщеславие или по меньшей мере избежать неудовольствия, противного нашей эгоистической натуре. И даже в самом бескорыстии, творящем добро только из любви к нему, он обнаруживает след гордости, усматривая ее в том удовлетворении от сознания своей собственной ценности, которое люди получают в награду за свои добрые дела.

Все это напоминает этику Ларошфуко, печально констатировавшего: «Своекорыстие говорит на всех языках и разыгрывает любые роли – даже роль бескорыстия» (16, 153). Этические представления автора «Максим и моральных размышлений», не раз

отмечавшего, что честолюбие, стыд и тщеславие являются главными мотивами человеческой деятельности, что в эгоистических аффектах людей коренятся их самые возвышенные побуждения, тоже послужили одним из источников мандевилевской концепции морали. Однако стержневая идея «Исследования о происхождении моральной добродетели» иная, чем у Ларошфуко. Это та же идея, что и идея «Возроптавшего улья». И в том и в другом случае Мандевиль обращал внимание на политику, «с помощью которой из самых презренных частей создан такой великолепный механизм» (1, 46–47).

Историки этических учений по-разному оценивали этику Мандевилья. Ф.Иодль, считая, что Мандевиль рассматривал добродетель как фикцию, писал о пессимизме и крайнем номинализме его концепции (см. 13, 144). Напротив, современный исследователь Дж. Колмэн доказывает, что Мандевиль отрицал не реальность добродетели, а лишь ее врожденный характер (см. 34). Автор же вступительной статьи к русскому изданию «Басни о пчелах» Б.В.Мееровский усмотрел в Мандевиле сторонника гедонизма и гедонистического истолкования морали (см. 1, 18). Я думаю, недалек от истины П.Сакман, отмечавший, что в понимании этики эгоизма Мандевиль обнаружил такую остроту и проницательность, до которых не возвысился ни один мыслитель его века (см. об этом 10, 181). Рассматривая человеческую чувственность и естественное стремление людей к наслаждению как основу их поведения, он считал, что нравственность состоит в обуздании эгоистических аффектов, в преодолении человеком самого себя и является определенной обязанностью людей по отношению друг к другу. Изыскание оснований нравственности в скрытых тайниках себялюбия совмещалось в его концепции с ясным пониманием общественного характера морали. А попытка представить ее как продукт искусства политики свидетельствовала о том, что он придавал ей значение идеального социального института.

VII. КРИТИКА ШЕФТСБЕРИ

Такое понимание сущности и происхождения нравственности противостояло не только традиционным христианским взглядам на мораль, но и всей совокупности воззрений Антони Эшли Купера, третьего графа Шефтсбери (1671–1713), создателя альтруистической этики «естественного нравственного чувства».

Противоположность взглядов Мандевиля и Шефтсбери заключалась в различном понимании того отношения, в котором находятся между собой нравственное и природное. Мандевиль противопоставлял нравственное природному, считая, что добродетели не может быть без преодоления естественных влечений; Шефтсбери же, напротив, сближал, даже отождествлял нравственное и природное, представляя нравственное как согласование и гармоническое развитие заложенных в человеческой природе склонностей. Среди последних Шефтсбери выделял прежде всего альтруистические аффекты, содействующие благу рода и общества в целом: любовь, доброту, милосердие, чувство сопричастности человечеству и т. п. Их он называл «естественными», подчеркивая этим, что именно такие аффекты наиболее свойственны человеческой природе. Он признавал полезность и эгоистических аффектов, таких, как чувство самосохранения, самолюбие, жажда счастья (ибо ведь не может быть блага общества без блага его членов). А добродетель усматривал в соразмерном сочетании их с альтруистическими, в счастливой гармонии всех этих склонностей, безусловно исключаящей какие-либо противоестественные аффекты (такие, как зло-

ба, жестокость, зависть, человеконенавистничество), вредоносные как для общества, так и для тех, кто их проявляет. И если Мандевиль в природе человека, в его влечениях и аффектах не видел непосредственного нравственного начала и моральные добродетели считал продуктом политики, приучившей людей преодолевать самих себя из стыда и гордости, то Шефтсбери, напротив, настаивал на том, что нравственное непосредственно проистекает из самой сущности человека, формируется его самосознанием, или рефлексией, а не привносится в его душу извне политикой или религией; последние сами должны предстать перед судом нравственного сознания, чтобы можно было выявить, что в них способствует и что противоречит добродетели.

Уже из этих характеристик видно, насколько различны этические воззрения Мандевилля и Шефтсбери. Это различие в полной мере осознавал сам Мандевиль, заметивший: «...не может быть более противоположных систем, чем моя и его светлости лорда Шефтсбери» (1, 291). В его методе еще было что-то от Гоббса, тогда как Шефтсбери в своих воззрениях исходил из философии Локка. Именно локковское учение о рефлексии положил Шефтсбери в основу своей модели формирования у человека нравственного чувства, состоящего, по его мнению, в свойственной исключительно человеку способности к особому рода рефлексивным аффектам – аффектам по отношению к самим аффектам. Вот что пишет об этом сам Шефтсбери в трактате «Исследование о добродетели, или достоинстве», изданном Толандом в 1699 г.: «Для нас, существ, наделенных способностью образовывать общие понятия о вещах, объектами аффектов являются не только окружающие нас люди, к которым мы испытываем какие-либо чувства, но и сами поступки, и даже аффекты сострадания, доброжелательности, благодарности и противоположные им. Будучи восприняты нашей душой, они также становятся объектами аффектов посредством рефлексии. Так при помощи рефлексивного чувства возникает особый вид аффектов, аффектов по отношению к самим аффектам, которые мы уже переживали ранее и которые становятся причиной новых страстей и неприязни» (40, 1, 251). Так душа обретает способность видеть и слышать другие души, и ничто не может ускользнуть от ее оценочного суждения. Она чувствует мягкое и жесткое, приятное и неприятное в аффектах. Она находит в них прекрасное и безобраз-

ное, гармонию и диссонанс точно так же, как в музыкальных тонах или во внешних формах и отношениях предметов, воспринимаемых нашими чувствами. И она не может подавить своих чувств удивления и восхищения, отвращения и презрения в отношении как тех, так и других. Так достигается нравственное чувство, понимание умом и сердцем того, что в нравственном отношении хорошо, а что – плохо, что достойно похвалы, а что – порицания.

Хотя нравственное и коренится в природе человека, утверждал Шефтсбери, его полное проявление, гармония аффектов и правильность нравственных оценок достигаются в процессе совершенствования человеческой личности, в результате воспитания и самовоспитания. Не с помощью божественной благодати и установлении политиков, а своей свободной деятельностью может и должен человек сотворить себя как нравственное существо. Высокая нравственность как способность постижения и утверждения в мире добра, истины и красоты оказывается, таким образом, все же усовершенствованием природы. Поэтому не прав Мандевилл, когда он, критикуя Шефтсбери, приписывает ему мнение, «что люди могут быть от природы добродетельными без каких-либо усилий со своей стороны...» (1, 290). Но он, конечно, прав в главном: его концепция совершенно противоположна концепции Шефтсбери, который считал альтруистические аффекты людей естественной основой их общежития и общественного блага.

К тому же Мандевиллу, признававшему относительность нравственных понятий – «вещи добры или злы только относительно чего-либо еще и в зависимости от того, в каком свете и положении они предстают» (там же, 328), – претил этический максимализм Шефтсбери, который хотел сформулировать общечеловеческий, основанный на естественной разумности идеал нравственно-прекрасного, *pulchrum et honestum**. В трактате «Исследование о природе общества» Мандевилл поставил перед собой задачу опровергнуть, «фальсифицировать» эту универсальную и неизменную категорию, охватывающую, согласно Шефтсбери, как сферу нравственности, так и сферы искусства и природы. И тут Мандевилл заговорил языком Локка. Действительно, его аргументация напоминает ту, которую использовал автор «Опыта о человеческом разумении» при опровержении догмата врожденности нравственных

* Прекрасное и честное (*лат.*).

принципов. Это метод опровержения, или «фальсификации», общих принципов посредством ссылки на противоречащие им фактические обстоятельства. Например, утверждению о существовании общечеловеческой и неизменной категории прекрасного в искусстве противопоставляется то обстоятельство, что даже знатоки весьма расходятся во мнениях, когда они судят о работах выдающихся мастеров, и живущие в разные времена и в разных странах дают не одинаковую оценку одному и тому же произведению. То же самое имеет место и в области нравственности; здесь также многое зависит от времени, моды и обычая, и то, что у одних народов нравственно, у других – аморально. Аргументация Мандевилля достаточно последовательно и ясно выражает его этическую точку зрения. Однако как с фактической, так и с логической точки зрения она далеко не столь корректна, как это, по-видимому, ему казалось. Чего стоит, например, такое утверждение в пользу относительности моральных норм: в природе нет ничего, чему бы противоречил обычай бракосочетания между близкими родственниками. К тому же существует важное различие между предложением о факте и нормой (каковой является идеал нравственно-прекрасного у Шефтсбери). Первое сообщает о том, что есть. Второе утверждает то, что подобает, что является образцом, говорит о том, какой должна быть та или иная реальность. Конечно, нормы всегда соотносятся с фактами, а факты оцениваются согласно нормам, но эти отношения нельзя просто обратить. Поэтому задача проверки, подтверждения или опровержения нормы фактами представляется гораздо более сложной, чем проверка фактами обычных, не нормативных принципов или предложений. С логической точки зрения она удовлетворительно не решена до сих пор.

Этот же метод «фальсификации» Мандевиль применяет и для опровержения тезисов Шефтсбери о том, что природе человека наиболее свойственны социальные аффекты, что человек по природе добр, тяготеет к другим людям, стремится к всеобщему благу и т. п. Если бедная женщина, которая долго жила впроголодь и ходила в лохмотьях, чтобы скопить 40 шиллингов, отдает на эти деньги своего шестилетнего сына в ученье к трубочисту, то неужели она это делает, чтобы в меру сил облагодетельствовать своих соотечественников, помочь предотвращению различных бедствий, вызываемых большим скоплением сажи, и, чуждая эгоизму, при-

носит единственного ребенка в жертву самому жалкому занятию ради общественного блага? И неужели достопочтенный советник, наживший на своей должности целое состояние, уже достигнув преклонного возраста, все еще продолжает упорно держаться за свое место, изнывать в суде и вести сомнительные процессы исключительно для того, чтобы обеспечить ближним сохранность их собственности? Так остро и иронично обыгрывает Мандевиль прекраснородушные положения Шефтсбери, склонного идеализировать человеческие отношения, приписывать им черты самой возвышенной нравственности. Напротив, Мандевиль во всех случаях человеческого общения и служения обществу усматривает только эгоистические мотивы, только себялюбие, гордость, тщеславие. Стремясь во что бы то ни стало опровергнуть Шефтсбери, он не чурается и весьма сомнительных приемов аргументации. Используется, например, такой прием: противопоставляемые тезису факты заведомо интерпретируются таким образом, чтобы они стали опровергающими. Так, чтобы доказать, что Катон Младшим в его самоотверженной общественной деятельности руководили отнюдь не любовь к отечеству, республиканские убеждения и другие высокие побуждения, Мандевиль, вопреки всем существующим историческим данным, главными и тайными страстями его души представил сатанинскую гордость и жгучую зависть к достоинствам Цезаря; они-то, по его мнению, и побудили Катона предпочесть самоубийство великодушию победителя. Человек может настолько быть опьянен дурманом тщеславия, с таким иступлением наслаждаться мыслями о той славе, которой будет удостоена память о нем в грядущие века, что способен даже пренебречь жизнью и идти на смерть, если только он считает, что это приумножит его славу. В связи с этим Мандевиль писал, что и Джордано Бруно, и Лючилио Ванيني взошли на костер, движимые такого рода гордыней. Впоследствии, в «Письме к Диону», он признает, что два человека могут расходиться во мнениях, имея самые лучшие намерения. Кто-то может рекомендовать, чтобы человеческая природа насколько возможно восхвалялась; однако он, Мандевиль, считает более поучительным показывать ее низость и порочность. Кто-то может внушать людям, чтобы они следовали хорошему примеру и стремились жить соответственно своему достоинству; однако он, Мандевиль, намерен показать всю важность воспитания и обуздания эгоизма.

Философии вообще присуще стремление доходить до «предельных оснований» в понимании отношения человека к действительности – к миру и к другим людям. В этом плане прежде всего и должна быть оценена альтернатива, представленная этиками Шефтсбери и Мандевила, – альтернатива, которая и впоследствии еще не раз будет привлекать внимание многих выдающихся мыслителей и склонять их к тому или другому выбору. При этом Мандевилль подчеркивал и то важное практическое значение, какое имело его решение проблемы в отличие от решения, данного Шефтсбери. Мандевилль полагает, что концепция обретения добродетели без самоотречения широко открывает двери лицемерию, мешает человеку разобраться и в самом себе, и в тех, у кого на устах высокие слова об общественном благе, а в душе лишь тщеславие и своекорыстие. Он даже подозревает в лицемерии самого Шефтсбери и использует свое учение об аффектах, как это он неоднократно делает, исследуя поведение людей, для анализа его философского мироощущения.

Он начинает издали, причем в тоне его рассуждения чувствуются и насмешка, и нарастающее раздражение. Человек, воспитанный в обстановке покоя и изобилия и обладающий ленивым характером, будет сторониться всего, что доставляет беспокойство, и предпочтет укрощать свои аффекты. Возможно, что он, получивший образование под руководством какого-либо великого философа (намек на Локка, который был учителем и воспитателем юного Шефтсбери), составит более высокое мнение о своем душевном состоянии, чем оно того заслуживает, и сочтет себя добродетельным, потому что его аффекты бездействуют. Пожалуй, он даже составит прекрасные понятия об общественных добродетелях и о презрении к смерти, очень хорошо опишет их в своем кабинете и будет красноречиво говорить о них в компании, но он никогда не пойдет сражаться за свою страну и не поставит свою честность и мудрость на службу обществу – ну хотя бы ради наведения порядка в делах казначейства. Добродетель, заявляет Мандевилль, должна быть действительной, и тот, кто любит общество и исполнен добрых чувств к своему роду, не должен сидеть сложа руки, если он может быть полезным своим согражданам (см. 1, 297). Профессиональный врач, посвятивший себя литературной работе, упрекал философа по призыванию за то, что тот не захотел стать министром финансов.

В последующих мыслях Мандевиля содержится суть того, ради чего он затеял все это рассуждение. Обладай такой человек бурным темпераментом, он избрал бы другую роль в драме жизни и проповедовал бы прямо противоположную доктрину, ибо разум всегда подталкивает людей в том направлении, в каком тянет их овладевающий ими аффект, и себялюбие в любом случае снабжает каждого доводами для оправдания его наклонностей. А в заключительных словах сквозит уже явная социальная антипатия представителя среднего класса к аристократическому и эзотерическому учению вельможного лорда. «Хваленый средний путь и тихие добродетели, рекомендованные в «Характеристиках»*, годятся только на то, чтобы воспитывать трутней, и могут подготовить человека к глупым удовольствиям монастырской жизни или в лучшем случае сельского мирового судьи, но они никогда не сделают его пригодным к труду и усердию и не подвигнут его на великие свершения и опасные предприятия» (1, 298).

Критику Шефтсбери Мандевиль продолжил и во втором томе «Басни о пчелах». На страницах этой книги, где ведутся беседы о живописи, о понятии чести, об аристократии, прямо или косвенно, явно или неявно подвергаются критике взгляды Шефтсбери. А в заключительных словах шестого диалога Клеоменес (который чаще всего выражает мысли автора), отмечая, что идеи Шефтсбери о добрых и превосходных качествах человеческой природы были настолько же романтическими и химерическими, насколько они являлись красивыми и привлекательными, бросает ему новое обвинение. Он винит Шефтсбери в том, что тот, симпатизируя деизму, под видом разоблачения поповщины и суеверия напал на саму Библию и, высмеивая некоторые места из Священного писания, «по-видимому, старался подкопать основания богооткровенной религии с целью утвердить на развалинах христианства языческую добродетель» (3, 2, 357). Конечно, позиция Мандевиля была менее уязвимой, чем та, которую занимал Шефтсбери. Если человеческая природа такова, как представлял ее Шефтсбери, то что остается на долю религии? Напротив, тот, кто считает эту природу порочной и греховной, допускает и необходимость искупления.

* «Характеристики людей, нравов, мнений и эпох» – общее название двухтомного собрания произведений Шефтсбери, опубликованного в 1711 г.

Время по-своему развело этих противников. «Можно говорить о «шефтсберианстве» и «мандевилизме» как двух линиях английского буржуазного просветительства. Речь идет, конечно, не просто о прямом влиянии того или другого из этих философов на их английских продолжателей. Шефтсбери и Мандевиль в перспективе общего исторического развития английского просветительства представляются лишь наиболее ранними и классическими выразителями двух различных воззрений на буржуазный прогресс, проявившихся в английском Просвещении», – писала исследователь истории литературы А.А.Елистратова (14, 300).

VIII. ПРОБЛЕМА ЗЛА

Критикой воззрений Шефтсбери пронизан весь трактат «Исследование о природе общества». Вначале Мандевиль, прямо называя имя Шефтсбери, нападает на его основные положения, на идеал нравственно-прекрасного, на тезис о естественной доброте людей, их природной склонности к добродетели и заботе о благе общества. Но и далее, переходя к непосредственной теме своего сочинения, исследованию природы общества, Мандевиль постоянно имеет в виду Шефтсбери, его философскую рапсодию «Моралисты» (1709). Излагая и обосновывая свою концепцию, он не раз использует те же самые примеры, которые приводятся в «Моралистах», но уже встраивая их в систему доводов в пользу своей точки зрения. В этом противостоянии двух воззрений, Шефтсбери и Мандевиля, нас в данном случае будут интересовать те противоположные решения, которые получила у них проблема зла в мире.

Вопрос о зле, поднятый в религиозных спорах Реформации и Контрреформации, как метафизическая и моральная проблема живо интересовал многих мыслителей XVII и XVIII столетий. В Англии он был вновь поставлен епископом Уильямом Кингом в работе «О начале зла» (1702). В ней делалась попытка примирить существование зла, и в частности морального зла, с идеей всемогущества и всеблагости Бога. Взгляды Кинга вызвали критику со стороны Пьера Бейля и Готфрида Лейбница. Позднее Лейбниц обстоятельно занялся этим вопросом в своей «Теодицее». Однако еще до Лейбница свой ответ на него дал Шефтсбери в своей философской рапсодии

«Моралисты» – произведении, о котором Лейбниц впоследствии скажет, что он нашел в нем почти всю свою «Теодицею». Вопрос о значении зла – один из центральных вопросов и мандевилевско-го трактата «Исследование о природе общества». Весьма поучительна эволюция, которую претерпевает эта проблема. Постепенно она утрачивает свое откровенно теологическое содержание и уже у Шефтсбери выступает как метафизическая философская проблема, хотя и отмеченная печатью теологического происхождения. Наконец, у Мандевилля она и вовсе обмирщается, переосмысливается в социально-экономических представлениях, и только тонкая искусственная нить еще кое-как связывает ее с догматом о грехопадении.

Ответ Шефтсбери был поразительно оптимистичен. Никакого действительного зла в сущности вовсе нет; есть лишь видимость зла, феномены зла, которые в конечном счете разрешаются в благо. И каждая отдельная, особая природа, и всеобщая природа, природа в целом, постоянно стремятся к своему благу и порождают то, что для них есть благо. Если же во всеобщей связи вещей одни должны уступить другим, подвергнуться порче или даже погибнуть, что, конечно, является для них злом, то в общем всегда поддерживается гармония и согласие всех разнообразных частей противоречивого, но единого природного целого. В таком порядке и гармонии и заключается благо и красота мира, и все вещи в совокупности стремятся к этой цели – благу единства всебытия. А если что-либо представляется нам порочным и несовершенным и мы склонны считать это злом, то всегда следует иметь в виду, что ум, не обладающий способностью бесконечного видения, не может охватить всей бесконечности взаимно сопряженных вещей, а потому должен видеть в несовершенном свете то, что внутри себя самого на самом деле совершенно. Отсюда и проистекают те мнимые изъяны, которые ставятся в упрек природе, тогда как в ней есть только естественное и полезное. «Добро преобладает здесь; и любое природное существо, смертное и подверженное порче, из-за смертности и испорченности своей лишь уступает природе лучшей, а все они в совокупности уступают наилучшей и наивысшей Природе, природе бессмертной и не подверженной порче» (31, 99).

Таково в целом то универсальное решение проблемы добра и зла, которое Шефтсбери изложил в беседах на темы природы и морали, составивших его рапсодию «Моралисты». Это решение

Шефтсбери исходит из телеологического истолкования природы, из посылки, что мир в целом устроен целесообразно и в нем все совершенным образом согласуется. Но там, где осуществляются цели, должен быть ум, полагающий эти цели. Этот ум – деистический бог Шефтсбери.

Подход Мандевиля к проблеме зла во всем отличается от подхода Шефтсбери. Отличается и по основному тезису, который отстаивает Мандевиль, и по тому концептуальному контексту, в котором он ставит эту проблему и аргументирует ее решение, и по методу. В отличие от абстрактных, метафизических, отягощенных риторикой доказательств Шефтсбери, Мандевиль обращается к фактам реальной жизни, и прежде всего к экономической и социальной действительности. И хотя его концепция в целом является родом гадательной истории социального развития человечества, его догадки идут в правильном направлении: он пытается осмыслить роль материальных потребностей и труда как важнейших условий жизни общества, а к самому обществу и его явлениям (например, языку и религии) подойти как к исторически развивающимся образованиям. Эта концепция выглядит следующим образом.

В состоянии райского благополучия, когда человек имел все, что желал, и ничто не досаждало ему и не беспокоило его, он ничего не мог добавить к своему счастью. Но, утратив это состояние и столкнувшись с целым хаосом зла: многочисленными нуждами и потребностями, собственными пороками и несовершенствами и суровостью окружающей природы, – люди смогли развиваться и образовать большие и процветающие общества. Древо греха стало для них и деревом познания. Именно крайности тепла и холода, непостоянство времен года, буйство ветров, сила и коварство воды, ярость и непослушность огня и упорство и бесплодность земли заставили людей напрягать воображение в размышлениях о том, как бы избежать несчастья, которое те могут принести, или устранить вред, ими причиняемый, и, применяя тысячи различных способов, обратить их силы себе на пользу. Отсюда произошли науки и искусства. А все, что искусство и опыт не научили людей обращать для себя во благо, оставалось для них злом.

Чтобы восполнить свои слабости, исправить несовершенства, удовлетворить нетерпение и даже лень, люди изобретают разнообразные орудия труда и инструменты, постройки и средства пере-

движения. Постоянно работая ради удовлетворения своих потребностей и нужд – а каждая потребность, каждая нужда до того, как она удовлетворена, есть зло, которое должно быть исправлено соответствующим занятием или ремеслом, – они развивают производства и ремесла, которые в свою очередь вызывают у них новые желания и нужды. От этих потребностей и нужд зависят все те взаимные услуги, которые люди оказывают друг другу; и чем больше разнообразие нужд, тем большее число людей может найти свой частный интерес в труде на благо других и, объединившись, составить одно целое. Так устанавливается разделение труда и разнообразие производств. И чем больше разнообразие ремесел и мануфактур, чем больше в них отраслей, тем больше они поглощают труда людей, тем легче можно превратить этих людей в богатый, могущественный и процветающий народ.

И, наконец, пороки, пороки частных лиц, о которых Мандевиль так много говорит в «Басне о пчелах». Все эти ненасытные в своей жажде роскоши чувственные вельможи, еженедельно изобретающие новые моды ветреные куртизанки, падкие до всевозможных развлечений знатные дамы, сорящие деньгами без всякого ума и соображения богатые повесы, выжавшие из слез вдов и сирот огромные состояния алчные негодяи, готовые пойти ради прибыли на любой обман бессовестные торговцы, даже жулики и грабители – все они являются «добычей и подходящей пищей матерого левиафана»*. Да, «таково печальное, чреватое бедствиями состояние человеческих дел, что нам нужны те бедствия и монстры, которые я упомянул», – констатирует Мандевиль (1, 318). Благодаря им совершается весь тот грандиозный разнообразный труд, который способна изобрести человеческая фантазия, дабы обеспечить честный способ заработать на жизнь огромному числу трудящихся бедняков, необходимых для существования большого общества.

«Исследование о природе общества» завершает следующее знаменитое положение: «...то, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является

* Так библейское предание именует гигантское и могучее чудовище. Т.Гоббс использовал это имя применительно к государству, абсолютную власть которого он обосновывал в трактате «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского».

прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем» (1, 329). Что же касается апелляции к всемогуществу и милости провидения, то при условии относительности понятий добра и зла, когда нет ничего столь совершенно доброго, что не может быть вредным для кого-либо, и ничего абсолютно злого, что не может оказаться кому-то выгодным, она просто бессмысленна. «Счастье, что молитвы, а также желания большинства людей не имеют значения... – усмехается Мандевиль, – в противном случае единственным, что сохраняло бы людей пригодными для общества и предотвращало бы наступление хаоса в мире, была бы невозможность удовлетворения всех просьб, обращенных к небу» (там же, 328–329).

IX. ВЗГЛЯДЫ НА ОБЩЕСТВО

В то время как Шефтсбери не признавал какое-либо дообщественное состояние людей как несогласное с замыслом провидения, Мандевиль считал, что в общественную жизнь человек перешел из стадии дикости. Но эта стадия не была, по его мнению, гоббсовским «естественным состоянием» войны всех против всех. Напротив, полагая, что человек от природы животное нехищное, боязливое, любящее мир и спокойствие, что он вообще никогда бы не вступал в конфликты, если бы мог мирно получить то, что ему надо, Мандевиль в этих качествах человеческой природы видел залог и основание общественного существования людей. При этом он не думал, как Шефтсбери, что общество строится на тех же началах, что и семья (естественной привязанности, любви, заботе об общем благе), и усматривал грубую ошибку во мнениях тех, кто полагал, что способы достижения благополучия и счастья частных семей такие же, как и общества в целом. «...Под обществом (society) я понимаю государство, в котором человек, либо покоренный превосходящей его силой, либо выведенный из своего дикого состояния путем убеждения, стал послушным созданием, которое может найти свою цель, работая на других, и где под властью одного главы государства или какой-либо иной формы правления каждый член общества подчиняется целому, а всех их благодаря хитроумному управлению заставляют действовать заодно» (1, 310). Что касается форм правления, то исторически первой, по его мнению, была монархия, а, двумя разными способами исправле-

ния ее несовершенств – аристократия и демократия. Дальнейшее совершенствование государственного управления осуществлялось благодаря сочетанию этих форм. Замечу, кстати, что такую смешанную форму правления тогдашние английские идеологи видели в установившейся в стране в результате переворота 1688 г. парламентарной монархии.

Читая работы Мандевиля, нетрудно обнаружить, что в социальной истории человечества он выделял два типа общества. Первый тип – это малочисленные по населению, небольшие земледельческие общества с натуральным хозяйством, примитивным ремеслом и неразвитой торговлей. Здесь нет ни наук, ни искусств и бедные, невежественные люди почти полностью лишены жизненных удобств. Они умеренны в своих потребностях, единодушны в поклонении богу и во всем подчиняются своим авторитарным властям и весьма влиятельному в делах государственного управления духовенству. Второй тип – это большие, густонаселенные, богатые, могущественные общества, в которых развиваются многочисленные ремесла и производства, ведется интенсивная торговля с другими странами, существуют регулярная армия и флот, приумножаются науки и искусства. Здесь живут деловые, знающие люди, чьи собственность и права гарантируются законом; они при любой форме правления не пассивные исполнители воли властей, а граждане, имеющие собственные мнения, в том числе и в вопросах веры. К первому типу Мандевилль относил, в частности, феодальные общества, а свои представления о значении пороков для общего благосостояния связывал с образованием и существованием именно богатых и могущественных государств.

Перспективы дальнейшего общественного развития Мандевилль усматривал в такого рода государствах. Его социально-экономическая программа рисовала образ буржуазного мира, по его мнению если и не лучшего из всех возможных миров, то во всяком случае лучшего из всех тогда существовавших. Программа состояла в следующем. Должны быть обеспечены неприкосновенность собственности и равные права для всех людей. «Пусть каждый поступает только по закону, а думает что хочет» (1, 176). Торговля – главное, но не единственное условие, необходимое для величия страны. Искусство сделать народ счастливым и процветающим заключается в том, чтобы предоставить каждому

возможность иметь занятие. Для этого следует, во-первых, содействовать развитию такого разнообразия мануфактур и ремесел, какое может изобрести человеческий ум, а во-вторых, поощрять все отрасли сельского хозяйства и рыболовство, дабы использовать не только все население, но и все природные богатства. Развитие промышленности займет массу людей; развитое сельское хозяйство позволит их содержать, сделает продукты и, следовательно, труд дешевыми.

Среди авторов, пишущих о Мандевилье, нет единогласия в оценке его экономических воззрений. Так, Б.В.Мееровский считает, что Мандевилье пропагандировал теорию и практику позднего меркантилизма (см. там же, 18). А.Чалк доказывает, что его экономические взгляды представляют собой переход от меркантилизма к доктрине *laissez-faire** (см. 33). А автор популярной книги по истории политической экономии «Юность науки» А.В.Аникин полагает, что Мандевилье «стоит несколько особняком в истории становления классической школы в Англии» (7, 122). Поэтому остановимся на экономических взглядах Мандевилье подробнее.

Мандевилье чужд золотой фетиш меркантилистов. Всемирное накопление в стране драгоценных металлов, денег еще не создает национального богатства. Слишком большое их накопление может опустошить страну. Пример тому Испания, вся хозяйственная жизнь которой была расстроена хлынувшими в нее заокеанскими сокровищами из американских колоний. Эти сокровища сделали испанцев праздными, и трудолюбие покинуло их. Другие страны стали снабжать их всем, что они перестали сами производить. Таким образом золото и серебро Нового Света ежегодно распределялось среди всех торговых стран, в результате чего все вещи сделались дорогими, а большинство стран Европы стали промышленными, за исключением самой Испании. Какова бы ни была стоимость золота и серебра, считает Мандевилье, «наслаждение всех обществ всегда будет зависеть от плодов земли и труда людей; и оба они, соединившиеся друг с другом, являются более твердым, более неистощимым и более реальным сокровищем, чем золото Бразилии или серебро Потоси» (1, 186).

* Доктрина, согласно которой лучшим регулятором экономической жизни является свободный рынок. *Laissez-faire* (франц.) может быть переведено как «предоставление свободы действий».

Вместе с тем Мандевиль, как и поздние меркантилисты, видел главное условие процветания страны во внешней торговле. Он был сторонником политики торгового баланса и настойчиво подчеркивал, что страна не должна ввозить больше товаров, чем вывозить. Контроль за этим должно осуществлять государство. А для того, чтобы увеличить продукцию на экспорт, следует всемерно поощрять развитие промышленности. Что же касается денежного баланса, то, рассуждал Мандевиль, там, где собственность достаточно защищена, было бы легче жить без денег, чем без бедных, ибо иначе некому было бы трудиться. Поэтому для свободной, не знающей рабства нации самое верное богатство заключается в массе трудолюбивых бедняков, и главное, самое неотложное применение денег состоит в том, чтобы оплачивать их труд. «По этой причине количество денег, обращающихся в стране, всегда должно быть пропорционально числу занятых рабочих рук, а заработная плата работников – пропорциональна цене провизии» (1, 184). Отсюда Мандевиль заключает, что, если бедными умело управлять, все, что обеспечивает изобилие, сделает труд рабочих дешевым. Не следует допускать, чтобы рабочие голодали, но и получать они должны столько, чтобы им нечего было сберегать. Так как рабочих подстегивает и заставляет трудиться только нужда, единственное, что может сделать рабочего человека прилежным, – это умеренная заработная плата. Слишком низкая плата доводит его до малодушия или отчаяния, слишком большая – делает наглым и ленивым. Если иногда кто-либо из низшего класса благодаря исключительному трудолюбию и недоеданию возвышается над той средой, в которой он вырос, то никто не должен препятствовать ему в этом; однако в интересах всех богатых наций, чтобы большая часть бедных никогда не оставалась без дела и чтобы они всегда целиком расходовали все, что зарабатывали. Эти характерные для ранних буржуазных представлений рекомендации касательно положения трудящихся Мандевиль подытоживает в своих комментариях к «Басне» следующей максимой: «бедных необходимо строго принуждать к работе; благоразумно облегчать их нужды, но безрасудно совсем их избавлять от них» (там же, 227).

На страницах «Басни о пчелах» мы находим и обсуждение вопроса о роскоши и бережливости, которое в политической экономике продолжалось еще и в XIX в. «Широко распространено

мнение о том, что роскошь губительна для богатства всего государства в такой же мере, как и для каждого отдельного человека, ей предающегося, и что всеобщая умеренность обогащает страну таким же образом, как и та, которая носит менее общий характер и увеличивает владения отдельных семей. Признаюсь, что, хотя я обнаружил людей гораздо умнее меня, которые придерживаются этого мнения, я не могу не выразить свое несогласие с ними по этому вопросу», – писал Мандевиль (1,118–119). Сам он отмечал пользу расходов, расточительности, лишь бы это создавало спрос и увеличивало занятость, заставляло «трубы дымиться, а всех торговцев улыбаться». Расточительность не менее необходима обществу, чем скупость; расточительность возвращает обществу то, что было отнято у него скупостью. И эти две дополняющие друг друга крайности в большой торгово-промышленной стране, где имеется множество людей, которых надо тем или иным способом побудить работать, не может заменить умеренность, уместная в маленьких обществах скромных людей, которые довольствуются немногим и хотят жить в покое. Именно расточительность, этот благородный грех, не дает людям сидеть без дела, увеличивая потребление, стимулируя тысячу утонченных потребностей, прихотей и мод, о которых умеренность даже не помышляет. А так как для этого надо потратить значительные богатства, то их должна накопить скупость, этот отвратительный порок, при помощи сотни приемов, от которых умеренность с презрением бы отвернулась. И Мандевиль доказывал, что иноземная роскошь никогда не сможет разорить страну, если только бдительно следить за общим балансом торговли, дабы ежегодно импорт не превышал экспорт, и умело осуществлять таможенную политику. При этом жить в роскоши в больших странах могут далеко не все, но только верхушка населения, «а чем больше верхушка, тем пропорционально еще больше должна быть самая нижняя их часть, та основа, которая поддерживает всех, масса трудящихся бедняков» (там же, 227).

Завершая характеристику социально-экономических взглядов Мандевиля, отметим, что он был родоначальником концепции, согласно которой производительными являются все профессии, даже самые непроизводительные. Если даже прихоти и капризы способствуют занятости населения и вызывают к жизни новые производ-

ства, то почему не могут быть полезными и преступления? Вор, укравший деньги у богатого скряги, пускает их в обращение и тем самым приносит пользу обществу, а взломщики и грабители дают работу множеству ремесленников и кузнецов и заставляют техническую мысль изобретать новые виды запоров и замков. Вместе с тем, если бы не было преступников, то что бы делали чины уголовной юстиции, тюремщики, палачи и другие? Для динамичного, развивающегося общества всеобщей занятости с «производительной» точки зрения оказываются нужными и всевозможные непроизводительные профессии. Указывая на эти соображения автора «Басни о пчелах», К.Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» вместе с тем заметил, что «Мандевиль был, разумеется, бесконечно смелее и честнее проникнутых филистерским духом апологетов буржуазного общества» (20, 26, ч. I, 395).

Да, Мандевиль видел даже самые крайние следствия, которые вытекали из рассматриваемой им модели социально-экономических отношений. Но сам он твердо стоял на позиции правового мировоззрения. Он считал, что пороки частных лиц складываются во благо общественного целого лишь в условиях политического управления, для которого законы имеют то же значение, что «жизненные духи» для тел одушевленных существ. И неоднократно предостерегал читателей от неверного толкования своей концепции как оправдывающей или даже провоцирующей в обществе преступность. Некоторые усматривали здесь непоследовательность или даже противоречие во взглядах Мандевиля. Однако источник этого противоречия в конечном счете коренился в самой социальной действительности. Общество, которое создавало свое богатство всеми средствами, в том числе и преступными, вместе с тем нуждалось и в защите своего богатства от преступных посягательств. И Мандевиль, который стремился правдоподобно описать это общество, не мог предпочесть требования абстрактной логики чувству живой реальности.

Итак, он считал, что стране нужен правопорядок – мудрые, неукоснительно выполняющиеся законы и беспристрастное правосудие. Преступника создает возможность совершить преступление. А такую возможность открывают не только небрежность при запираии дверей и окон, мягкосердечие присяжных и судей, частые помилования, но и прежде всего многочисленные примеры тех,

кто, как всем известно, виновен, однако ухитряется избежать наказания. Мало кто предпочитает безопасность общества своему собственному покою и благополучию. Это касается и тех, кто призван осуществлять правосудие. Между тем если бы люди не имели оснований сомневаться в том, что преступление всегда повлечет за собой должное наказание, то и самих преступлений и казней было бы намного меньше, чем теперь. «Поэтому там, где законы просты и суровы, всякие послабления при их выполнении, мягкость присяжных и частые помилования в основном представляют собой гораздо большую жестокость по отношению к густонаселенному государству или королевству, чем применение дыбы и самых изощренных пыток» (1, 247).

Мандевиль формулирует еще целый ряд условий правильно, по его мнению, политического управления обществом. «Народ необходимо держать в страхе, но нельзя насилловать умы людей и позволять духовенству принимать большее участие в государственных делах, чем определил им наш спаситель в своем завете» (там же, 122–123). Христианская добродетель совершенно несовместима с мирским преуспеянием и величием, и мирским амбициям духовенства может служить лишь извращенное христианство. Эту антиклерикальную идею, так же как и свои соображения в защиту веротерпимости, Мандевиль подробно развил в книге «Свободные мысли о религии, церкви и национальном счастье». По его образному выражению, государство как целое так же не может быть связано с какой-либо религией, как социальный организм не может иметь ни печени, ни легких, ни глаз, ни ушей в буквальном смысле этих слов. Конечно, утверждал Мандевиль, люди могут объединяться для отправления публичных богослужений и для осуществления культовых действий, однако для самой религии есть только одно место – сердце отдельного человека. Что может в лучшем случае сделать для христианской религии законодатель, так это узаконить ее, обеспечить свободу ее исповедания и защитить от любых нападков. И это он призван сделать, исходя как из интересов общества в целом, так и из интересов самого правительства. А вопрос о сущности христианства остается частным делом каждого отдельного человека. Мандевиль следуя Локку, подобно ему, отстаивал и право на свободу совести, и принцип отделения церкви от государства.

Наконец, он считал очень важным благоразумно вершить иностранные дела и иметь хорошую разведку за границей, чтобы быть осведомленным о внутреннем положении других стран. Тогда, противодействуя одним странам и помогая другим, можно поддерживать выгодное для себя соотношение сил. И тогда никакие другие государства, как и никакие пороки, не будут представлять опасности. И та суверенная власть, которая сумеет искусно управлять страной, сделает ее могучей и процветающей. Истории известны некогда великие государства и знаменитые империи, которые пришли в упадок и разрушились. И причиной тому было отнюдь не божественное наказание, ниспосланное им за их грехи, а главным образом плохая политика, упущения и ошибки их правителей. Как и многие просветители, Мандевиль придавал здесь особое значение субъективному фактору – искусству политического управления.

Х. МЫСЛИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ

В конце XVII в. Джон Локк, работая в «Комиссии по делам промышленности и колоний», ставил вопрос об организации школ для детей английских бедняков. Он подготовил проект нового закона о бедных, в котором предусматривалось создание рабочих школ. Проект предлагал учредить в каждом приходе школы, в которых содержались бы дети бедных прихожан; здесь они были бы лучше обеспечены, чем в своих нищих семьях, и с малолетства приучались бы к труду, что сделало бы их «на всю дальнейшую жизнь благоразумными и трудолюбивыми» (19, 300). Проект Локка не был принят правительством. Однако во времена королевы Анны в стране было основано множество благотворительных школ для обучения детей бедноты чтению, письму, счету, нравственному поведению и принципам англиканского вероучения. В то время в Англии государственные классические школы давали образование лишь людям среднего класса и правительство ничего не предпринимало для просвещения низшего сословия. Благотворительные школы устраивались при приходах и зависели не только от поддержки немногих состоятельных людей, но и от помощи широкого круга прихожан, собиравших на них по подписке деньги и принимавших участие в контроле за ними. Эти школы и стали объектом критики Мандевилля, составившей содержание «Опыта о благотворительности и благотворительных школах».

Как обычно, он начинает с изощренного психологического анализа, с рассмотрения мотивов, которыми руководствуются в своей заботе о бедных детях все эти лавочники и торговцы, священники и попечители, состоятельные благотворители и рядовые прихожане. И конечно же он обнаруживает, что всеми ими в этой их кипучей деятельности движет отнюдь не христианское милосердие, не понимание интересов страны, а собственные эгоизм, тщеславие и властолюбие. Однако это лишь прелюдия. Главные возражения Мандевиля против благотворительных школ связаны с идеей о необходимости «определенной доли невежества в хорошо организованном обществе». Общество не сможет долго существовать, если наряду со многими его членами, живущими в праздности и довольстве, в нем нет и огромного числа людей, им прямо противоположных, работающих в поте лица не только за себя, но и за других. Чтобы такое общество было счастливым, а народ был доволен даже своим жалким положением, необходимо, чтобы огромное большинство оставалось бедным и невежественным. Знания разнообразят, умножают человеческие желания, а чем меньше желает человек, тем легче могут быть удовлетворены его потребности. Из этих посылок Мандевиль развивает свою аргументацию против благотворительных школ. Посещение школ детьми бедняков – для общества бессмысленная потеря времени. Гораздо лучше и для общества, и для самих детей, если дети как можно раньше займутся трудовой деятельностью. Ведь те, кто значительную часть своей юности тратит на то, чтобы научиться читать, писать и считать, ожидают – и не без оснований – получить такую работу, где эти знания могут им пригодиться; большинство из них начинает смотреть с презрением на физический труд, означающий самое низкое положение в обществе и приносящий самое ничтожное вознаграждение. Так образование «делает их неспособными к физическому труду, который в каждом цивилизованном обществе является их прямым назначением и делом, на который они не должны роптать или жаловаться» (1, 269).

Между тем в настоящее время в Англии сложилось такое положение, отмечает Мандевиль, что бедняков едва хватает для выполнения необходимых для существования общества работ. «Соотношение частей в обществе нарушено, и основная масса народа, которая всюду должна состоять из трудящихся бедняков, не

знакомых ни с чем иным, кроме своей работы, слишком мала по сравнению с другими частями» (1, 272). Всякий норовит избежать грязного физического труда или же требует за него непомерно высокую плату. Каждый стремится поменьше работать, но побольше подзаработать. На одного купца приходится десяток счетоводов, в деревнях не хватает работников, поищите лакея – и вы сразу же найдете дюжину, но все они будут дворецкими. Высокая цена на продукты питания и на труд повышает себестоимость промышленной продукции и, следовательно, товаров, идущих на мировой рынок. Это уже начало сказываться на суконной промышленности, производящей почти две пятых английского экспорта. Другие страны благодаря более дешевому труду и более низкому уровню жизни своих рабочих уже начинают производить ткани из купленной английской шерсти дешевле, чем это обходится самой Англии. Поэтому не благотворительное обучение детей бедняков чтению, счету и нравственному поведению, способное породить у них презрительное отношение к тяжелой работе в качестве рабочих и батраков, а, напротив, «воспитание их в невежестве» и как можно более раннее приобщение к физическому труду помогут сделать продукты питания и труд в стране дешевыми. «Это – благородный и мужественный способ противодействовать нашим торговым конкурентам и по достоинству превзойти их на зарубежных рынках», – заключает Мандевиль (там же, 285). Столь откровенная, обнаженная точка зрения в то время вызвала шумное негодование. Сейчас трудно определить, кого среди возмущавшихся этим не лишенным цинизма предложением было больше – искренних человеколюбцев или же святош и ханжей. Но пройдет несколько десятилетий, и история по-своему реализует рекомендации Мандевила, когда промышленная революция, ужесточив капиталистическую эксплуатацию, ввергнет английский рабочий класс в такую бездну нищеты и невежества, о которой наш философ не посмел бы и подумать.

В «Опыте о благотворительности и благотворительных школах» есть и страницы, посвященные классическому школьному и университетскому образованию в Англии, где Мандевиль высказывает целый ряд предложений по их усовершенствованию. И здесь в основе его рекомендаций, так же как и критики благотворительных школ, лежало ясное понимание тех перспектив буржуазного

развития, которые открывались перед страной. В постановке образования должно руководствоваться здравым смыслом, как и в торговле. В каждом графстве надо иметь одну или несколько больших государственных школ, где бы изучались латинский и греческий языки, а все мелкие частные школы упразднить. Совершенное знание латыни необходимо всем, кто намерен посвятить себя ученым занятиям, стать адвокатом, врачом или аптекарем. Однако для молодых людей, которые впоследствии должны добывать себе средства к жизни при помощи тех профессий и занятий, где латынь ежедневно не требуется, она бесполезна, а изучение ее – бессмысленная трата и времени, и денег.

Надо значительно увеличить, почти удвоить, число профессоров в каждом университете. Но это касается лишь медицинского и юридического факультетов; теологический факультет и так достаточно обеспечен кадрами. Мандевиля, врача по образованию, особенно беспокоит положение дел на медицинских факультетах, где студенты не получают всех нужных знаний, в частности по фармацевтике. Уже окончив факультет, они вынуждены приезжать в Лондон, чтобы научиться составлению лекарств у практиков, не имеющих университетского образования. Вообще дело с обучением практической медицине на этих факультетах обстоит неважно; и Мандевиль рекомендует не ограничиваться лекционными курсами, практиковать индивидуальную работу профессоров со студентами, шире использовать больницы для практического обучения студентов искусству врачевания.

Двери университетов должны быть открыты для людей «со всех концов земли». А наиболее отличившихся в учебе следует оставлять при университете, если их можно нанять за деньги, не обращая внимания на то, к какой партии они принадлежат, из какой они страны и какого цвета кожи. Здесь, как на аукционе, следует исходить из принципа свободы и равных прав для всех. В тогдашней Англии, где сословный характер и антидемократизм университетского образования оставались прочной традицией, рекомендации Мандевиля были, несомненно, новаторскими. Чтобы еще больше заинтересовать одних в деле преподавания, других – в деле овладения знаниями, необходимо установить для профессоров кроме их основного оклада дополнительное вознаграждение от каждого студента, которого они обучают. От такой уплаты, однако, следует освободить сту-

дентов теологического факультета (по английской традиции к церковной деятельности обычно готовились выходцы из бедных семей). «Нет другого факультета, который был бы так же непосредственно необходим для управления страной, как факультет теологии, – писал Мандевиль, – и, так как нам нужно иметь большое число духовных лиц для отправления службы на нашем острове, я бы не хотел, чтобы людей более низкого звания отпугивали от того, чтобы воспитывать своих детей для выполнения этих обязанностей» (1, 265). Он прекрасно понимал, что наименее религиозными бывают люди просвещенные и образованные, что вера связана с невежеством и что поэтому прежде всего беднякам следует прививать благочестие и твердые принципы христианской добродетели.

Взгляды Мандевиля на задачи образования вполне согласуются с его социальными представлениями. Собственно говоря, ими они и определялись. Мандевиль стоял за общество всеобщей занятости, которое, разумеется, являлось бы классовым обществом, обществом богатых и бедных, собственников и неимущих. Он считал, что в Великобритании найдется работа на три-четыре столетия еще для ста тысяч бедняков сверх тех, которые уже ее населяют. Чтобы сделать полезным каждый уголок острова и полностью его заселить, нужно многие реки превратить в судоходные и прорыть сотни каналов, нужно осушить заболоченные земли и предохранить их от наводнения, нужно огромное количество бесплодной почвы превратить в плодородную и построить всюду дороги. И все это надо сделать основательно, добротнo, как некогда строили в Альбионе дороги и акведуки древние римляне. Но для этого требуются, во-первых, деньги, во-вторых, терпение и трудолюбие. Там же, «где глубокое невежество полностью искоренено и изгнано, а начатки образованности сыплются на всех людей без разбора, себялюбие превращает знание в хитрость, и, чем больше это последнее качество распространяется в какой-либо стране, тем больше людей сосредоточивают все свои труды, заботы и рвение на настоящем времени, не обращая внимания на то, что будет после них, и даже вообще едва ли мысленно заглядывая вперед дальнейшего поколения» (1, 287). Мандевиль, кажется, склонен был возложить на образование ответственность за то, что уже творил в его стране «неуловимый гений королевства» – неумный дух приобретательства и наживы.

XI. ВВЕДЕНИЕ В СОЦИАЛЬНУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Как часто за новое любят выдавать то, что уже давно известно, на что неоднократно обращалось внимание и о чем уже написано не одна сотня, страниц! Объявив философию ненаучным, метафизическим знанием, позитивизм вместе с тем поставил себе в заслугу создание ряда новых научных дисциплин, в том числе и социальной психологии. Однако явления общественного сознания, общественной психологии еще со времен Платона и Аристотеля находились в фокусе внимания философов, и с тех пор социально-психологическая проблематика так или иначе разрабатывалась в рамках различных философских учений. И действительно, в истории можно указать немного периодов, столь же богатых исследованиями этой темы, как «метафизические» XVII и XVIII века. Среди этих исследований достойное место занимает и «Басня о пчелах».

Как уже знает читатель, в истории человечества Мандевиль выделял два типа общества. С ними он связывал и два различных типа нравственного сознания. Не повторяя того, что уже было сказано, приведу одно место из «Басни», где Мандевиль, быть может, наиболее ярко выразил эту свою мысль. Если вы хотите сделать большинство людей милосердными, добрыми и добродетельными, предлагает он мысленный эксперимент, разбейте печатные станки, расплавьте шрифты и сожгите все книги, за исключением тех, которые хранятся в университетах, так чтобы в частных домах не осталось ни одной, кроме Библии. Ликвидируйте заморскую торговлю, запретите всякое общение с иностранцами и не разрешай-

те выходить в море никаким кораблям, за исключением рыбацких судов. Верните духовенству, королю и баронам их древние привилегии, прерогативы и владения. Постройте новые церкви, монастыри и богадельни и превратите всю металлическую валюту в священные сосуды. Примите законы против роскоши, и пусть все юноши будут приучены к трудностям. Внушите им самые строгие и возвышенные понятия о чести и позоре, дружбе и героизме и введите для них разнообразные мнимые вознаграждения. Пусть духовенство проповедует другим воздержание и самоотречение, а само пользуется такой свободой, какой захочет. Пусть оно оказывает самое большое влияние на управление государственными делами, и пусть никто не может стать государственным казначеем, кроме епископа.

«При помощи таких благочестивых мер и полезных установлении картина вскоре совершенно будет изменена; большая часть алчных, недовольных, беспокойных и честолюбивых негодяев покинет землю, огромные толпы мошенников и плутов уйдут из города и рассеются по всей стране. Ремесленники научатся ходить за плугом, купцы превратятся в фермеров, и грешный чрезмерно разросшийся Иерусалим без помощи голода, войны, чумы или принуждения будет опустошен самым легким путем и после этого навсегда перестанет быть страшным для своих правителей. Счастливо преобразованное королевство не будет тем самым перенаселено ни в одной своей части, и все необходимое для существования человека будет дешевым и в изобилии. Деньги, корень столь многих тысяч зол, напротив, почти совсем исчезнут, их будет очень мало, и они будут также совсем не нужны, если каждый человек будет наслаждаться плодами своего собственного труда; и наше собственное любимое сукно, ни с чем не смешанное, будут без разбора носить как лорд, так и крестьянин. Такое изменение материального положения не сможет не повлиять на характер людей и сделает их умеренными, честными и искренними, и мы можем вполне разумно ожидать, что следующее поколение даст более здоровое и крепкое потомство, чем нынешнее; это будут безвредные, невинные и доброжелательные люди, которые никогда не будут оспаривать ни учение о пассивном повиновении, ни какие-либо иные ортодоксальные принципы, но будут подчиняться тем, кто стоит выше их, и будут единодушны в поклонении богу» (1, 214).

Но различное нравственное сознание обнаруживается у разных социальных общностей и в пределах одного и того же социума. Мандевиль предлагает на основе случайного выбора беспристрастно изучить образ жизни и мыслей следующих двух групп населения: ста бедняков старше 40 лет, которые с детства были приучены к тяжелому повседневному труду, никогда не учились в школе и всегда жили в отдалении от больших городов, и такого же количества людей с университетским образованием. В результате обнаружится, что среди первых, не умеющих ни читать, ни писать, встретится меньше пороков и привязанности к мирскому, больше согласия, добрососедской любви, невинности, искренности и других хороших качеств, чем среди последних, где наверняка можно найти и гордыню, и оскорбительное высокомерие, и вечные распри, и ненависть, и зависть, и клевету – пороки, которыми едва ли вообще заражен в сколько-нибудь значительной степени неграмотный трудящийся люд.

На страницах «Басни о пчелах» Мандевиль подробно и выразительно рисует стереотипы сознания и поведения своих современников, характерные для целых групп и социальных прослоек. Ну, например, психология торговцев. Они прибегают к бесчисленным хитростям, с помощью которых обманывают покупателей и друг друга; эти хитрости ежедневно практикуют даже самые честные из торговцев. Разве какой-либо торговец раскроет недостатки своих товаров тем, кто хочет купить их за более низкую цену? Нет, он будет тщательно скрывать их в ущерб покупателю и всячески восхвалять свои товары, намного преувеличивая их достоинства. Людей трудно убедить в том, что они получают слишком много за счет тех, кому продают, какими бы большими ни были их доходы; в то же время им жаль прибыли, какой бы незначительной она ни была, если ее получают те, у кого они сами покупают. И вот, зная, что ничтожность выгоды продавца является самым убедительным мотивом для покупателя, торговцы лгут и выдумывают самые невероятные истории, но ни за что не открывают, сколько они действительно выручают от продажи своих товаров.

Мандевиль изображает целую сцену такого торга. Ее действующие лица: торговец шелком и молодая леди-покупательница. Задача лавочника – продать как можно больше шелка по цене, благодаря которой он получит барыш в соответствии с нормаль-

ными прибылями его торговли. Задача покупательницы, которая, конечно, воображает, что она и воспитана, и непринужденна в поведении, и обладает очень мелодичным голосом, и если не красива, то по крайней мере более приятна, чем большинство ее знакомых молодых дам, – использовать свое обаяние и купить шелк по цене на четыре или шесть пенсов за ярд дешевле, чем он обычно продается.

«Прежде чем ее экипаж успеваает окончательно остановиться, к ней приближается мужчина, по виду джентльмен, все на нем опрятно и модно; он с низким поклоном выражает ей свое почтение, и, как только становится известным ее желание зайти в лавку, он проводит ее туда, а затем немедленно ускользает от нее и через боковой проход, который остается видимым только менее одного мгновения, с величайшей ловкостью водружается за прилавком; и там, обратившись к ней с глубоким уважением, произнеся приличествующие фразы, он просит оказать ему любезность и сообщить ее желания. Пусть она говорит что угодно, пусть ей все не нравится, ей никогда не будут открыто противоречить: она имеет дело с человеком, у которого абсолютное терпение является одним из таинств профессии, и какое бы беспокойство она ни причинила, она, конечно, не услышит ничего, кроме самых вежливых выражений, и всегда будет видеть перед собой жизнерадостное выражение лица, где радость и уважение, кажется, слились с добродушием и все вместе составили искусственную безмятежность, более обаятельную, чем способна породить необученная природа.

Когда два человека так рады встрече, беседа должна быть очень приятной, а также чрезвычайно вежливой, хотя они и говорят о пустяках. Пока она остается в нерешительности относительно того, что взять, он, кажется, в равной мере не может ей ничего определенного посоветовать и очень осторожен в отношении того, в каком направлении должен пойти ее выбор; но, как только она его сделала и приняла решение, хозяин немедленно приобретает твердость, определенно говорит о том, что это – самое лучшее из данного сорта, превозносит ее вкус и, чем более он на него смотрит, тем больше удивляется, как это он раньше не обнаружил превосходства этого материала над всем, что у него есть в лавке. Благодаря наставлениям, примеру и огромному усердию он научился незаметно забираться в самые сокровенные уголки души,

определять способности своих покупателей и находить их слабую струнку, неизвестную им самим. Благодаря всему этому он обучен пятидесяти другим хитростям, как заставить ее переоценивать собственную мудрость, а также тот товар, который она собирается купить. Самое большое преимущество, которое он имеет над ней, заключается в самой существенной части общения между ними – в споре о цене, которую он знает до последнего пенни, а она не знает совершенно. Поэтому ни в чем больше он так отъявленно не обманывает ее, как в этом; и, хотя здесь ему предоставляется полная свобода говорить о себестоимости и деньгах, от которых якобы он отказался, любую ложь, какая только ему нравится, он все же доверяет не только лжи, а, задевая тщеславие покупательницы, заставляет ее верить самым невероятным в мире вещам относительно своей слабости и ее выдающихся способностей. Он говорит, что ранее он принял решение ни за что не отдавать эту штуку шелка меньше чем за такую-то цену, но она сумела его уговорить расстаться с ней, чего не удавалось до нее никому из тех, кому он продавал свой товар. Он заявляет, что терпит убыток на этом шелке, но, видя, что он ей понравился и что она решила не давать за него более высокую цену, он скорее отдаст ей эту штуку, чем доставит неудовольствие леди, которую он так чрезвычайно высоко ценит, и только молит, чтобы в следующий раз она не была бы с ним так непреклонна. Между тем покупательница, знающая, что она неглупа и умеет поговорить, легко убеждается в том, что она может очень обаятельно разговаривать, и, считая достаточным для подтверждения своего хорошего воспитания не признавать своего достоинства, в каком-то остроумном ответе резко отвергает его комплимент, а он заставляет ее с очень большим чувством удовлетворения проглатывать по существу все, что он ей говорит. В результате получается, что, испытывая удовлетворение от того, что она сэкономила девять пенсов на ярде, она покупает шелк по точно такой же цене, как и любые другие покупатели, и часто дает на шесть пенсов больше, чем он взял бы, чтобы не упустить покупателя» (1, 313–315).

А вот другой стереотип поведения, на сей раз замужних женщин из среднего класса – жен лавочников, купцов и аптекарей, причем отнюдь не слишком расточительных, а считающихся благоразумными и умеренными в своих желаниях. Они, имея с деся-

ток нарядов, из которых надевали всего два или три, вечно жалуются, что у них вообще нет ни одного платья или юбки, которую бы им не приходилось постоянно носить, и поэтому требуют от своих мужей новых нарядов. «Невероятно, какое огромное количество безделушек и всякого рода мелочей покупается и используется женщинами, которое они никогда не могли бы приобрести другим способом, кроме как экономя на расходах семьи, отчаянно торгуясь при покупках и иными путями обманывая и обворовывая своих мужей. Другие, постоянно терзая своих мужей, надоедают им до такой степени, что заставляют их уступать и настойчивостью и упорством при высказывании просьб берут верх даже над упрямыми скрягами. Третьи, получив отказ, приходят в ярость и откровенной руганью и скандалом запугивают своих робких дураков и выманивают у них все, что им хочется; в то время как тысячи знают, как подольститься к мужьям, и благодаря этому преодолевают самые основательные причины и самые твердые, неоднократно подтвержденные отказы, особенно молодые и красивые женщины смеются над всеми увещаниями и отказами, и мало среди них найдется таких, кто постесняется использовать самые нежные минуты супружества ради достижения корыстных целей» (1, 210).

Или еще один пример: многочисленные лики зависти. В среде прекрасного пола эта болезнь проявляется в тех мнениях и критических суждениях, которые женщины составляют и высказывают друг о друге. Молодые красивые женщины могут из одной лишь зависти возненавидеть друг друга с первого взгляда, и если они еще не научились лицемерить, то даже не будут скрывать этого чувства. Завистливый опытный литератор ведет себя по-иному. Если он завидует таланту и эрудиции своего собрата по перу, то никогда не станет проявлять зависть открыто. Он будет тщательно изучать его произведения и, пропуская удачные места, дабы умалить его достоинства, будет выискивать только просчеты и ошибки, придираться, делать из мухи слона и сурово осуждать его, конечно же «с принципиальных позиций». Талантливый ученик знаменитого художника обычно сначала поклоняется маэстро. Но по мере того как растет его собственное мастерство, он незаметно для себя начинает ненавидеть то, чем раньше восхищался. Если же в конце концов он достигает положения своего бывшего учителя или поднимается еще выше, то от его зависти не остается и следа, и он

снова готов демонстрировать самые искренние дружеские чувства. У людей грубых, серых и невоспитанных эта психологическая реакция на благополучие и положение других проявляется примитивно и откровенно. Они бранят тех, кто занимает более высокое общественное положение, раздувают их даже самые пустяковые ошибки и упущения и стараются истолковать в дурную сторону их самые похвальные поступки. Они ворчат на провидение и громко жалуются, что в этом мире все лучшее достается тем, кто этого вовсе не заслуживает. А поскольку зависть в той или иной степени свойственна большинству людей и редко встретишь человека, который никогда не испытывал бы ее жжения, то великие мира сего должны считаться с этим свойством человеческой природы. «Мы полагаем, что любим справедливость, и любим, когда заслуги по достоинству вознаграждены; но, если люди долго занимают самые первые почетные должности, половина из нас устает от них, ищет их ошибки, а если не может их найти, то предполагает, что они их прячут, и, если большинство из нас не желает, чтобы их отстранили, это уже хорошо. Самые лучшие люди всегда должны опасаться этой грязной игры со стороны всех тех, кто не является их ближайшими друзьями и знакомыми, потому что ничто так не утомляет, как повторение похвал, которые ни в коей мере на нас не распространяются» (1, 142).

В «Басне о пчелах» содержатся и другие примеры типичского сознания. Некоторые из них вполне могли бы войти в современные руководства по социальной психологии. Интересно, что Мандевиль включает в свой анализ демографический фактор и неоднократно обращает внимание на те явления общественной психологии и нравственности, которые наблюдаются у населения большого густонаселенного города. Однако в отличие от иных нынешних исследователей, всецело уповающих на экспериментальные и математические методы, этот врач-психиатр создавал свою мозаику социально-психологической типологии, руководствуясь и определенной целостной философской концепцией, и своей интуицией писателя. И в этом он глубоко прав. Ибо, коль скоро дело касается психологии человека, философски зоркий глаз художника способен открыть на этом необъятном континенте гораздо больше того, что может дать самый изощренный эксперимент при самой совершенной математической обработке его результатов.

ХІІ. ЭЛЕМЕНТЫ ЭСТЕТИКИ

О чем бы ни писал Мандевиль, какой бы области ни касался, будь то этика или психология, экономика или образование, он всегда выступал как литератор, писатель, стараясь донести свои мысли до читателя в достойном литературном оформлении. Поэт, художник никогда не умирал в нем. Недаром свои взгляды он излагал или в виде комментариев к «Возроптавшему улью», или в виде «исследований», «опытов», «диалогов», от одного издания к другому сопровождавших эту поэму, и за всем своим сочинением в целом оставил название «Басня о пчелах». Высказываясь по широкому кругу вопросов философии и культуры, он не забыл затронуть и ту область, которую мы сейчас именуем областью эстетического знания.

Свои эстетические соображения Мандевиль излагает прежде всего в связи с критикой концепции Шефтсбери. Метафизичности и отвлеченности нравственно-эстетических категорий последнего он противопоставляет доказательства того, «что *pulchrum et honestum*, превосходство и истинная ценность вещей, чаще всего непостоянны и переменчивы, меняются в зависимости от изменений моды и обычаев» (1, 306). Знаючи живописи, указывает Мандевиль, никогда не разойдутся во мнениях, когда сравнивается прекрасная картина с мазней новичка, но как удивительно расходятся их мнения, когда они судят о работах выдающихся мастеров! Здесь всегда имеются свои партии, и очень немногие дают одинаковую оценку одному и тому же произведению, и не всегда самые лучшие картины получают самую высокую оценку.

Эти соображения Мандевиля достаточно хорошо известны и являются общим местом при изложении его взглядов. Однако, высказав такое мнение, Мандевиль тут же добавляет: «Несмотря на все это, я охотно признаю, что суждения относительно картин могут приобрести всеми признаваемую определенность или по крайней мере быть менее подверженными изменениям или случайными, чем почти все остальное. Причина этого проста: существует определенный критерий, которым можно руководствоваться и который всегда остается прежним. Живопись есть подражание природе, копирование вещей, которые люди всюду видят перед собой» (1, 292). Поэтому было бы неверно полагать, что Мандевиль стоял на позициях релятивизма и считал красоту и другие нравственно-эстетические понятия не более чем фикциями. Разве критику платонистского идеала можно вести только с позиций релятивизма и фикционализма?

Последующие эстетические высказывания Мандевиля связаны с попытками анализа психологических основ искусства. Как известно, психология искусства имеет дело с тремя учениями – учением о восприятии, учением об аффектах и учением о воображении, на совокупности которых только и может строиться ее целостное понимание. У Мандевиля мы, конечно, не найдем целостной психологии искусства (области в то время еще первых разработок), однако отдельные его соображения касаются всех этих учений.

Так, например, исходя из особенностей человеческого чувства зрения, он объясняет саму возможность изображения перспективы. Дело в том, что только опыт может научить человека высказывать более или менее правильные догадки о расстоянии до разных предметов, размеры которых видимо уменьшаются, по мере того как они все более удаляются от него. Если кто-либо был слеп от рождения и долго оставался таким, а затем вдруг прозрел, он будет озадачен тем, как определять расстояния до предметов, и не сможет немедленно установить только при помощи глаз, что к нему ближе – столб, до которого он может дотронуться палкой, или колокольня, до которой полмили. «Давайте сосредоточим свой взгляд на отверстиях в стене, за которой нет ничего, кроме открытого пространства, и сузим, насколько возможно, поле зрения, – пишет Мандевиль, – и мы не сможем увидеть ничего иного, кроме того, что небо заполняет пустоту отверстия и так же близко к нам, как задняя сторона камней, окру-

жающих то пространство, где их недостает. Это свойство – чтобы не называть его дефектом – нашего чувства зрения приводит к тому, что нас можно обманывать, и все, кроме движения, может быть благодаря искусству представлено нам на плоскости таким же образом, как мы видим его в жизни и природе» (1, 293).

Что же касается аффектов, то, как мы уже знаем, Мандевилль последовательно придерживался концепции аффективной природы человека, в рамках которой он пытался объяснить и механизм эстетического переживания. Это переживание он связывал со способностью к сильному и живому воображению, отнюдь не принадлежа к числу тех наивных сенсуалистов, для которых удовольствие, получаемое от произведения искусства, есть просто удовольствие от красивой вещи, а эстетическая реакция подобна обычной реакции на приятный вкус, запах или цвет. Аффекты, возбуждаемые в человеке искусством, отличны от тех, которые рождаются у него в обычной жизненной ситуации. Они не бывают столь же сильными и, возникая в результате некоторого «удачного обмана», не могут быть неприятными. Мандевилль излагает эти соображения, ссылаясь на чувство сострадания, или, вернее, его имитацию, переживаемое при представлении трагедии, «когда наш рассудок оставляет часть души непросвещенной и, чтобы удовлетворить праздный каприз, позволяет ей ошибаться, что необходимо для возбуждения аффекта, легкие удары которого не являются неприятными для нас, когда душа находится в праздном, бездейтельном настроении» (1, 234).

Собственно эстетических высказываний у Мандевила не так уж много. Однако для философии искусства, равно как и для самого английского искусства, имела значение его концепция в целом. Столь нетривиально поднимая тему зла, тему людских пороков, обличая человеческое лицемерие и ханжество, Мандевилль обращал внимание на ту нравственную проблематику, игнорировать которую не может подлинно художественное творчество. А ориентируя на изображение людей такими, какими они являются в действительности, остро ставя вопрос о противоречиях, составляющих «гармонию» современного ему общества, он «тем самым способствовал утверждению реализма в английском искусстве XVIII в.» (24, 107). Этим он, несомненно, оказал влияние на последующее литературное развитие. И даже те, кто отрещивался от Мандевила или, как, например, Г.Фильдинг, критиковал и высмеивал его, не могли уйти от поднятых им тем и поставленных им вопросов.

ХIII. ПОСЛЕДНЯЯ ЗАЩИТА

Свою первую «Защиту книги» Мандевиль опубликовал в 1723 г., но нападки на него не прекращались. Выходили все новые издания «Басни», но не унимались и ее хулители. Последним критиком, которому Мандевиль ответил пространной защитительной речью, был Джордж Беркли.

Возвратившись в 1731 г. в Англию из миссионерской поездки в Северную Америку, Беркли привез написанное им в Ньюпорте сочинение «Алкифрон, или Мелкий философ. В семи диалогах, содержащих апологию христианской религии против тех, кого называют свободомыслящими». Уже в феврале 1732 г. это сочинение вышло в свет. Книга, выполненная в форме сократического диалога, содержала критику английских деистов и свободомыслящих, прежде всего Шефтсбери и Мандевиля. Во втором диалоге «Алкифрона» Беркли с издевкой пародировал рассуждения автора «Басни о пчелах» о том, что пороки граждан способствуют экономическому процветанию общества. «Я знаю одно: легчайший путь ускорить развитие... промышленности и занять плотников, каменщиков, кузнецов и других мастеров будет состоять в применении на практике того удачного совета знаменитого мелкого философа, который в результате глубокомысленного размышления открыл, что поджог Лондона будет не таким уж плохим делом, как глупые и закоснелые в предрассудках люди могут себе, вероятно, вообразить... По крайней мере нельзя отрицать, что это открыло новый способ мышления для наших поджигателей, от которых общество

недавно начало пожинать пользу», – язвил Беркли устами Критона, одного из персонажей своих диалогов (9, 448–449). Мандевиль не замедлил с ответом. В том же году он опубликовал пространное «Письмо к Диону, вызванное его книгой «Алкифрон, или Мелкий философ»». Это была последняя работа Мандевиля, его последняя, самая обстоятельная защита своих взглядов.

Снова, приводя уже не раз приводившиеся им в свою защиту аргументы и цитаты, объясняет и оправдывает Мандевиль положение своей книги. Он упрекает Диона-Беркли в том, что тот выступил с критикой «Басни о пчелах», не удосужившись ее прочитать, а восприняв мнение, созданное решением суда и усилиями газетчиков и писак, живущих за счет заблуждений, которые они сами же распространяют, и склок, которые сами же разжигают. Мандевиль отвергает все обвинения в безнравственности, выдвигаемые против него, и замечает, что писатель, говорящий о пороках людей, среди которых он живет, разоблачающий их поведение и поступки, срывающий маску лицемерия с ловкачей и подвергающий проверке фальшивые речи о добродетели, – писатель, который осмеливается так поступать, всегда приобретает множество врагов и подвергается несправедливым нападкам.

«Я писал это произведение, – сообщает он, – находясь среди людей, большинство из которых принадлежало к так называемым лучшим слоям общества, и они, несмотря на их христианское вероисповедание, гораздо больше были озабочены приобретением земных благ, нежели небесных. Все они наперекор высоким речам, проповедям и писаниям о будущей жизни и вечном блаженстве были очень преданны этому злему миру, и, по крайней мере, большинство из них во всех своих действиях и помыслах проявляло неизмеримо большую заинтересованность в последнем, нежели в первой» (6, 358). Поистине царство христово не от мира сего, и его оппонент должен признать, что о пользе порока он, Мандевиль, говорит, имея в виду только тех, кто ценит прежде всего земные блага и считает, что именно они необходимы для счастья. Тем же, кто отказывается от всяких излишеств и предпочитает честную и добрую жизнь, он, естественно, рекомендует руководствоваться совершенно противоположными принципами.

Утверждая, что пороки полезны и необходимы людям для их мирского преуспевания, он тем самым отнюдь не преследует цель каким-либо образом способствовать пороку и развращению наро-

да. Конечно, пишет Мандевиль, никогда не было такой благополучной, процветающей нации, которая была бы совершенно лишена пороков. Но тем, что он высказал эту истину, он нисколько ей не содействовал. Доказывая, что людские пороки при соблюдении должных ограничений необходимы для благополучия гражданского общества, он просто констатировал причину этого благополучия, в конце концов предоставляя членам общества самим решать, стоит ли достигать его такой ценой. Он обращает внимание своего оппонента на то, что высказывал эти свои утверждения со всей мыслимой предосторожностью, дабы они не оказались вредными для слабых умов, для неподготовленных людей, которые могли бы случайно раскрыть его книгу. Ее он писал отнюдь не для всех, не для толпы, а лишь для тех немногих, которые способны мыслить абстрактно и возвысить свой ум над невеждами.

Что же касается вообще такого рода исследований, то ведь доискиваться до истинных причин явлений еще не означает иметь злой умысел или стремиться причинить вред. Можно писать о ядах и быть отличным врачом. «Порок же, сам по себе, всегда плох, какую бы выгоду из него ни извлекали» (6, 369). И в любом обществе, большом или малом, долг каждого его члена – быть нравственно порядочным, добродетель следует поощрять, порок – порицать, законы – соблюдать, а их нарушителей – наказывать. И цель «Басни о пчелах» – вовсе не апология пороков, а их разоблачение и высмеивание. Именно это содержащееся в ней осмеяние всякой нравственной распущенности, равно как и сопровождающего ее лицемерия, доставило книге бесконечно больше врагов, чем все мнимое поощрение пороков и безнравственности, какое можно было бы из нее при желании вычитать.

Здесь-то и следует искать источник всех споров, развернувшихся вокруг «Басни о пчелах», и всех выпадов против ее автора. Потому что, констатирует Мандевиль, среди христиан, да и среди людей вообще, очень немногие склонны к самообвинениям, и никто не желает терпеть никаких обвинений и насмешек в свой адрес. Люди слишком крепко привязаны к наслаждениям земной жизни, к своему имуществу и деньгам. Бедность и самоотречение не имеют для них никакой привлекательности. Это не то, чего желают и требуют англичане. Иначе некоторые из них пришли бы к мысли о том, что так как земное счастье не может быть достигнуто без привержен-

ности к порокам, то они должны отказаться от него; и так как невозможно одновременно служить всевышнему и Мамоне, то ни одно наслаждение этого мира не стоит того, чтобы ради него подвергнуть себя опасности вечного проклятия. И для тех, кому пришла бы в голову такая мысль, «весь яд из книги враз улетучился бы и каждая пчела утратила бы свое жало» (6, 361). Мандевиль определенно давал понять своему критику, что иронический, сатирический текст его «Басни» нес в себе и в высшей мере благочестивое содержание.

Итак, глубоко эшелонированная оборона, пространные пояснения и объяснения. Куда девались искрящиеся юмором зарисовки и остроумные сентенции автора комментариев к «Возроптавшему улью»? Только редкие иронические замечания и контраатакующие вылазки в расположение противника. Так, например, выдвигается целая система возражений против утверждения Беркли, что христиане в массе более нравственны, чем язычники. «Я считаю, что нравственность любого народа – я имею в виду все его добродетели и пороки – зависит не столько от господствующей религии, сколько от законов страны, отправления правосудия, осуществляемой политики и условий жизни этого народа», – пишет он (6, 388). Во все времена люди обладали добродетелями и пороками, которые не имели никакого отношения к религии, и на то, что они совершали, вера в будущее воздаяние влияла не более, чем название улицы, на которой они жили. Что такое христиане в массе? Каждый человек, происходящий от родителей-христиан и выросший среди христиан, считается христианином, даже если он в своих поступках отнюдь не проявляет себя как ревностный приверженец христианской религии. И если при этом он всеми своими помыслами связан с этим миром, если чувственные радости для него более ценны, чем духовные, и годы его жизни без раскаяния проходят в поисках все новых наслаждений, разве такой человек, даже если он крещен и соблюдает все христианские обряды, может быть истинным христианином? И здесь Мандевиля возмущают прежде всего те, кого больше заботит название, чем сама вещь, кто претендует на то, чтобы именоваться христианином, даже не помышляя о том, чтобы приобрести подобающие христианину качества. Во что бы ни вникал его острый ум, какой бы вопрос Мандевиль ни рассматривал, стрелы его критики неизменно находили одну цель – человеческое лицемерие.

Мандевиль заканчивает свое длинное письмо к Диону-Беркли выражением уверенности, что в следующем издании «Алкифрона» найдет в нем значительные изменения, которые тот внесет в книгу в свете всего того, что он изложил в свою защиту. Мандевиль не дождался нового издания «Алкифрона». Он умер в начале следующего, 1733 года. Некролог, появившийся в одной из газет 23 января, сообщал: «В минувшее воскресенье утром в Хэрни умер в возрасте 63 лет Бернард Мандевиль, доктор медицины. Автор «Басни о пчелах», «Трактата об ипохондрических и истерических страстях» и других замечательных произведений; некоторые из них опубликованы на иностранных языках. Он был широко одарен, обладал редким умом и строгим суждением. Он был весьма сведущим в учении древних, искусным во многих разделах философии и пытливым исследователем человеческой природы, кои достоинства делали из него ценного и интересного компаньона и по праву доставили ему уважение людей науки и литературы. Среди коллег он был известен благожелательностью и человеколюбием; по своему характеру был искренним другом; и в целом в жизни вел себя как джентльмен исключительной прямоты и честности» (цит. по: 35, 152–153).

XIV. НАСЛЕДИЕ

Когда Дэвид Юм через несколько лет после смерти Мандевиля опубликовал свой «Трактат о человеческой природе», то он, поставив в нем имя Мандевиля в один ряд с именами Дж.Локка, А.Шефтсбери, Ф.Хатчесона и Дж.Батлера, указал, что именно эти философы начали создавать науку о человеке на новом фундаменте – опыте, и заявил, что сам он, как и остальные философы Нового времени, ставит перед собой ту же цель. Конечно же, говоря о наследии Мандевиля, следует прежде всего иметь в виду то влияние, которое он прямо или косвенно оказал на мыслителей и писателей века Просвещения. Это прежде всего сам Юм, который пытался синтезировать теорию «морального чувства» Шефтсбери и Хатчесона с положениями этики Мандевиля и Локка. К Мандевилю обращались в своих сочинениях Вольтер и Монтескьё, Руссо и Дидро, Мабли и Гольбах, Галлер и Годвин, Гердер и Кант. Его основное положение, что пороки служат общему благу, по меткому замечанию Ф.А.Ланге, «было некоторым образом тайною статьею просвещения, которая редко упоминалась, но никогда не забывалась» (15, 2, 392).

Но наследие Мандевиля принадлежало не только его веку. Мандевиль никогда не был забытым мыслителем. Обширный список хронологически упорядоченных ссылок на его сочинения, встречающихся в мировой литературе с 1716 по 1923 г., который Ф.Б.Кей поместил в качестве приложения к своему образцовому изданию «Басни о пчелах», свидетельствует, что философы, эконо-

мисты, историки, писатели, публицисты и политики XIX – начала XX в. были к Мандевилю не менее внимательны, чем авторы века Просвещения. Здесь, так же как и в XVIII в., мы сталкиваемся с целым спектром различных суждений о взглядах Мандевила. И вместе с тем именно с XIX в. начинают появляться сначала отдельные статьи, а потом и целые книги, в которых предпринимаются попытки дать систематический анализ его воззрений. В Мандевила всматриваются все более пристально.

Так, немецкий историк П.Сакман, автор одного из самых скрупулезных трудов о творчестве Мандевила, увидел в нем мыслителя, который вскрыл противоречие в самой сущности культуры цивилизованного общества, вырастающей на почве антагонизма между материальными и моральными факторами. «Кто будет отрицать, что этические силы, которые еще живы среди нас и с распадением которых утратится самое чистое и благородное в нашем историческом бытии, заключают в своих недрах идеи, которые, если их развить до их абстрактных последствий, приведут к разложению наших исторических форм..? – писал Сакман. – И кто стал бы оспаривать, что могущественные земные силы, которые участвуют в создании нашей культуры, поскольку они являются жизненными, повинуются своим собственным законам больше, чем желала бы теория..?» (цит. по: 10, 182).

А русский философ Н.Д.Виноградов, напротив, отмечал, что анализ цивилизации, который дал Мандевил, был односторонним и лишенным исторической перспективы. По его мнению, Мандевил не имел оснований для категорического утверждения, что современные ему общественный строй и тип прогресса в своем существовании универсальны и неизменны и что все их отрицательные явления совершенно неизбежны для всякого цивилизованного общества. «Некоторые из отмеченных Мандевилем особенностей в сфере экономических и социальных отношений уже утратили или утрачивают свой острый характер, другие более тесно связаны с самим существованием буржуазного строя и могут быть устранены только путем коренной реформы этого строя», – писал Н.Д.Виноградов (10, 180).

Время – самый лучший, самый справедливый судья не только человеческих деяний, но и идей. И рассматривая сегодня идейное наследие Бернарда Мандевила, мыслителя и моралиста, мы явно видим, насколько стойкой и существенной оказалась имен-

но критическая компонента его взглядов, насколько она заслонила собой и отодвинула на второй план те мандевилевские представления, которые не выходили за пределы узкого горизонта буржуазного мировоззрения. К этому следует добавить, что была принята и передана по эстафете литературы и использованная Мандевилем художественная форма. Правда, уподобление общества, государственного строя пчелиному улью уже встречалось в литературе и до Мандевиля; так, например, в пьесе Шекспира «Жизнь короля Генриха V» оно служило иллюстрацией идеи о естественности сословного монархического государства. Однако Мандевиль представил эту аналогию в ином ракурсе, переосмыслил ее как сатиру, и к истории пчелиного улья как сатирической аллегории человеческого общества потом не раз обращались различные писатели. Конечно, при этом менялись понятийный подтекст аллегории, ее идейный смысл и сатирическая направленность. Историю пчелиного улья уже писали не в стихах, а в прозе. Но в общем использовалась та же, что и у Мандевиля, форма. Замечательными примерами тому служат «Государство пчел» К.Фогта (1850), «Пчелы» Д.И.Писарева (1862), «Две различные версии истории улья с лубочной крышкой» Л.Н.Толстого (1900).

Спор о Мандевиле продолжается и по сей день. Толкователи его взглядов, которых становится все больше, задаются вопросами: был ли мандевилевский парадокс лишь фигурой сатирической критики или же он отражал действительное положение дел? защищал ли Мандевиль свободу экономической деятельности или же только обличал лицемерие тех, кто закрывал глаза на действительные основы общества? что лежало в основе его критики – трезвый реалистический взгляд или же тоска по утраченной евангельской добродетели? требовала ли его этика искать опоры в откровении свыше или же им утверждалась плоская утилитарная мораль? кто же он, наконец, – скрывающийся под иронической маской благочестивый христианин, суровый моралист или безбожник и циник? И нам остается только гадать, какую реакцию вызвал бы у Мандевиля этот затянувшийся почти на три столетия спор о смысле его «Басни».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мандевиль Б.* Басня о пчелах. М., 1974.
2. *Мандевиль Б.* Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. М., 2000.
3. *Mandeville B.* The Fable of the Bees: or, Private Vices, Publick Benefits / Ed. by F.B.Kaye. Vol. 1–2. Oxford, 1924.
4. *Mandeville B.* The Fable of the Bees / Ed. with an introd. by Ph. Harth. London, 1970.
5. *Mandeville B.* Free Thoughts on Religion, the Church, and National Happiness. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1969.
6. Mandevilles Bienenfabel. Herausgegeben von Otto Bobertag. München, 1914.
7. *Аникин А.В.* Юность науки. М., 1985.
8. Басни Эзопа. М., 1968.
9. *Беркли Дж.* Соч. М., 1978.
10. *Виноградов Н.Д.* Философия Давида Юма. Ч. II // Уч. зап. Император. Моск. ун-та. Отдел историко-филол. Вып. 41. М., 1911.
11. *Геттнер Г.* История всеобщей литературы XVIII века. Т. I. СПб., 1896.
12. *Гоббс Т.* Избр. произведения: В 2 т. М., 1964–1965.
13. *Иодль Ф.* История этики в новой философии. Т. I. М., 1896.
14. История английской литературы. Т. I. Вып. 2. М.–Л., 1945.
15. *Ланге Ф.А.* История материализма и критика его значения в настоящее время. Т. I–II. СПб., 1881–1883.
16. *Ларошфуко Ф. де.* Мемуары. Максимы. Л., 1971.
17. *Лисенков Е. Г.* Английское искусство XVIII века. Л., 1964.
18. *Локк Д.* Избр. филос. произведения. Т. 1–11. М., 1960.
19. *Локк Д.* Педагог. Соч. М., 1939.
20. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2.
21. *Мееровский Б.В.* Английские моралисты XVIII в. о «природе человека» // История философии и вопросы культуры. М., 1975.
22. *Мортон А.Л.* Английская утопия. М., 1956.
23. Общественная жизнь Англии. Изд. Г.Д.Трайля. Т. IV–V. М., 1898.
24. *Овсянников М.Ф.* История эстетической мысли. М., 1984.
25. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997.
26. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
27. *Спиноза Б.* Избр. произведения. Т. I–II. М., 1957.
28. *Татаринова К.Н.* Очерки по истории Англии 1640–1815 гг. М., 1958.

29. *Тревельян Дж.М.* Социальная история Англии. М., 1959.
30. *Франклин В.* Избр. произведения. М., 1956.
31. *Шефтсбери.* Эстетические опыты. М., 1975.
32. *Юм Д.* Соч.: В 2 т. М., 1965–1966.
33. *Chalk A.F.* Mandeville's Fable of the Bees: a reappraisal // *Southern Economic Journal.* 1966. Vol. 33.
34. *Colman J.* Bernard Mandeville and the reality of virtue // *Philosophy.* 1972. Vol. 47.
35. *Cook R.I.* Bernard Mandeville. N. Y., 1974.
36. *Harth Ph.* The satiric purpose of The Fable of the Bees // *Eighteenth Century Studies.* 1969. Vol. 2.
37. *Horne T.A.* The social thought of Bernard Mandeville. London, 1978.
38. *Monro H.* The ambivalence of Bernard Mandeville. Oxford, 1975.
39. *Sakman P.* Bernard de Mandeville und die Bienenfabel // *Controverse eine Episode in der Geschichte der englischen Aufklärung.* Freiburg–Leipzig–Tübingen, 1897.
40. *Shaftesbury A.* Characteristics of Man, Manners, Opinions, Times. Vol. 1–2. London, 1900.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аддисон Дж. 9
Андерсон П.Б. 7
Аникин А.В. 56
Батлер Дж. 82
Бейль П. 33, 49
Беркли Дж. 77, 78, 80
Бруно Дж. 45
Ванини Дж.Ч. (псевдоним – Лючилио) 45
Вильгельм III Оранский 8
Виноградов Н.Д. 83
Вольтер (наст. имя Франсуа Мари Аруэ) 82
Галлер А. фон 82
Гердер И.Г. 82
Гоббс Т. 3, 6, 24, 36, 42, 52
Годвин У. 82
Гольбах П.А. 82
Декарт Р. 8
Деннис Дж. 16
Дефо Д. 20
Дидро Д. 5, 82
Елистратова А.А. 48
Иодль Ф. 40
Кей Ф.Б. 7, 82
Кант И. 82
Катон Младший (или Утический) 45
Кентливр С. 9
Кинг У. 49
Колет Дж. 31
Колмэн Дж. 40
Конгрив У. 9
Лабрюйер Ж. де 6
Лагутин Е.С. 6
Ланге Ф.А. 82
Ларошфуко Ф. де 6, 39, 40
Лафонтен Ж. де 10, 18
Лейбниц Г.В. 49
Локк Дж. 3, 4, 6, 30, 42, 43, 46, 60, 62, 82
Мабли Г.Б. де 82
Маркс К. 59

Мееровский Б.В. 6, 40, 56
Монтень М. де 6, 33, 92
Монтескье Ш. Л. 82
Мор Т. 31, 32
Мортон А.Л. 32
Писарев Д.И. 84
Платон 5
Руссо Ж.Ж. 82
Сакман П. 40, 83
Свифт Дж. 9
Скаррон П. 10, 18
Смит А. 30, 31
Спиноза Б. 3, 6, 24, 36
Стил Р. 13, 9
Толанд Дж. 42
Толстой Л.Н. 84
Треvelyян Дж. М. 4
Фильдинг Г. 34, 76
Фогт К. 84
Франклин Б. 10
Харт Ф. 20
Хатчесон Ф. 16, 82
Хендли У. 16
Хогарт У. 29
Хокинс Дж. 10
Хорн Т. 19
Цезарь Гай Юлий 45
Чалк А.Ф. 56
Шекспир У. 84
Шефтсбери А.Э.К. 41–51, 54, 77, 82
Эзоп 10, 18
Энгельс Ф. 22
Эразм Роттердамский (наст. имя Герхардс Г.) 8, 18
Юм Д. 82

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Законы и правление имеют для политических тел гражданских обществ то же значение, что жизненные духи и сама жизнь – для естественных тел одушевленных существ. И подобно тому как те, кто изучает анатомию на трупах, могут видеть, что главными органами и самыми чувствительными пружинами, более непосредственно, чем другие, необходимыми для поддержания движения нашего организма, являются не твердые кости, не сильные мускулы, не нервы и не гладкая белая кожа, которая так красиво их покрывает, а тонкие незаметные пленки и маленькие трубочки, которые простой глаз либо не воспринимает, либо же считает не имеющими значения, так и те, кто исследует природу человека, отвлекаясь от того, что приобретено искусством и образованием, могут заметить: то, что делает человека общественным животным, заключается не в его общительности, не в добродушии, сострадательности, приветливости, не в других приятных и привлекательных свойствах; самыми необходимыми качествами, делающими человека приспособленным к жизни в самых больших и, по мнению всего света, самых счастливых, самых процветающих обществах, являются его низменные и наиболее отвратительные свойства.

Следующая ниже басня, в которой только что сказанное мною излагается более подробно, была напечатана примерно восемь лет назад в виде брошюры, называвшейся «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными» и стоившей шесть пенсов; а вскоре она появилась в пиратских изданиях и продавалась на улицах по полпенса за штуку. После первого издания басни мне случалось встречаться с несколькими людьми, которые либо преднамеренно, либо по незнанию неправильно истолковали замысел автора, утверждая, что вся она представляет собой сатиру на добродетель и нравственность и написана с целью поощрения порока. Это заставило меня принять решение сообщить читателю тем или иным способом о том подлинном намерении, с которым была написана эта маленькая поэма, на случай если ее будут когда-ли-

* Предисловие к изданию «Басни о пчелах» 1714 г. Перевод с английского выполнен Е.С.Лагутиным по изданию: *The Fable of the Bees; or, Private Vices, Publick Benefits. The Fifth Edition. London, 1728. Vol. 1.*

бо перепечатывать. Я достаиваю эти немногие, кое-как связанные между собой строчки названием «поэма» не для того, чтобы читатель ожидал найти в них какую-либо поэзию, а просто потому, что они зарифмованы, и я даже, признаться, нахожусь в затруднении относительно того, как их назвать. Ибо они не представляют собой ни героической поэмы, ни пасторали, ни сатиры, ни бурлеска, ни ироикомической поэмы; чтобы их можно было назвать повестью, в них должно быть какое-то правдоподобие; для басни же произведение в целом довольно-таки длинновато. Я могу сказать о них только, что эти неумелые стихи представляют собой историю, которую, отнюдь не претендуя на остроумие, я попытался изложить столь простым и доступным языком, на который я только способен. Читателю предоставляется полное право назвать их так, как ему заблагорассудится. О Монтене говорили, что он довольно хорошо разбирается в человеческих недостатках, но не знаком с превосходными свойствами человеческой натуры. Если обо мне скажут не хуже, я буду думать, что принес пользу.

Какую страну мира следует понимать под пчелиным ульем, представленным здесь? Из того, что говорится о ее законах и устройстве, о славе, богатстве, могуществе и трудолюбии ее обитателей, ясно, что то должна быть большая, богатая и воинственная нация, счастливо управляемая на началах ограниченной монархии. Поэтому та сатира на людей различных профессий и занятий, почти всех состояний и положений в обществе, которая встретится в следующих ниже строчках, предназначается не для того, чтобы указать на каких-то конкретных лиц и нанести им обиду, а лишь для того, чтобы продемонстрировать низменные свойства отдельных частей, составляющих вместе ту благотворную смесь, каковой является хорошо организованное общество; цель всего этого — превознести чудесную силу политической мудрости, с помощью которой из самых презренных частей создан такой великолепный механизм. Ибо главная цель «Басни» (как это кратко объяснено в Морали) заключается в том, чтобы показать невозможность наслаждаться всеми самыми изысканными жизненными удобствами, которыми располагает трудолюбивая, богатая и могущественная нация, и одновременно обладать всеми благословенными добродетелями и невинностью, пожелать которых можно разве что в золотом веке; и далее, разоблачить неразумность и безрассудство тех

людей, которые стремятся быть богатым и процветающим народом и на удивление жадны до всех благ, какие только могут получить, и в то же время всегда ворчат и громогласно порицают те пороки и неудобства, которые с начала мира и по сей день неотделимы от королевств и государств, когда-либо прославившихся своей силой, богатствами и утонченностью.

Чтобы осуществить задуманное, я сначала слегка касаюсь некоторых недостатков и порочных склонностей, в которых обычно обвиняются люди определенных профессий и занятий. После этого я показываю, что эти самые пороки каждого отдельного лица при помощи умелого управления содействуют величию и всеобщему счастью целого. И наконец, излагая то, что в силу необходимости должно быть следствием всеобщей честности и добродетельности, а также умеренности, невинности и довольства всего народа, я показываю, что если бы людей можно было вылечить от тех слабостей, в которых они от природы виновны, то они лишились бы сил и возможности возвыситься и образовать такие обширные, могучие и цивилизованные общества, которые были ими созданы в различных республиках и монархиях, процветавших со времени сотворения мира.

Спросите меня: почему вы все это сделали? *Cui bono*?* И что хорошего принесут эти взгляды? Искренне отвечу: за исключением того, что развлекут читателя, я полагаю, абсолютно ничего. Но если бы меня спросили, чего естественно следовало бы ожидать от обнародования их, я бы ответил, что, во-первых, прочтя их, люди, которые постоянно придираются к другим, научатся смотреть на самих себя и, спрашивая свою собственную совесть, постыдятся бранить то, в чем они сами более или менее виноваты; и, во-вторых, те, кто так любит покой и удобства и пользуется всеми благами, являющимися следствием существования великого и процветающего государства, научатся более терпеливо переносить неудобства, которые не может устранить ни одно правительство на земле, поняв невозможность наслаждаться сколько-нибудь значительной долей первых, не испытывая в равной мере дискомфорта последних.

Этого, как я уже сказал, следовало бы естественно ожидать от опубликования изложенных мною взглядов, если бы людей можно было сделать лучше при помощи того, что им говорят. Но поскольку

* Кому на пользу? (*лат.*).

ку люди в течение уже столь многих столетий не менялись, несмотря на многочисленные поучительные и изощренные писания, при помощи которых предпринимались попытки их исправить, то я не настолько самонадеян, чтобы полагать, что мой столь незначительный пустячок может принести бóльший успех.

Признав, что этот маленький каприз, вероятно, принесет мало пользы, я считаю себя обязанным показать, что он не может никому принести вреда, ибо, если то, что печатается, не приносит никакой пользы, оно по крайней мере не должно приносить никакого вреда. Для этой цели я написал объяснительные заметки, к которым я и отсылаю читателя в тех местах «Басни», которые, вероятнее всего, могут показаться исключениями из этого правила.

Склонные к осуждению люди, вообще не видевшие моей басни «Возроптавший улей», скажут: что бы вы ни говорили о ней, она была написана только для того, чтобы представить «Комментарии», поскольку сама басня занимает всего десятую часть книги; вместо того чтобы пояснить сомнительные или темные места, вы только неудачу выбрали такие, о которых вам хотелось больше сказать; и вы не только не стремились исправить ошибки, сделанные раньше, но допустили еще худшие и в бессвязных отступлениях показали себя еще более бесстыдным защитником порока, чем в самой басне.

Я не буду тратить понапрасну время, отвечая на эти обвинения: если люди предубеждены, на них не подействуют и самые сильные аргументы; и я знаю, что те, кто считает преступным предполагать необходимость порока в каком бы то ни было случае, никогда не примирятся ни с одной частью этого произведения; но если его внимательно изучить, то всё оскорбление, какое оно может нанести, должно вытекать из неправильных заключений, которые, возможно, могут быть выведены из него и которых я никому не пожелаю сделать. Когда я утверждаю, что пороки неотделимы от великих и могущественных обществ и что богатство и величие последних не могут существовать без них, я не говорю, что те отдельные члены общества, которые виновны в каких-либо пороках, не должны постоянно подвергаться порицанию или нести наказание за них, если они перерастают в преступления.

Я полагаю, что, пока те люди, которые вынуждены постоянно ходить пешком по Лондону, не принимают во внимание ничего, кроме своей одежды и своего личного удобства, среди них найдут-

ся мало таких, кто не пожелал бы, чтобы улицы его были гораздо чище, чем они обычно бывают; но если они однажды поймут, что многое из того, что доставляет им неудобство, является результатом изобилия, большого уличного движения и богатства этого могущественного города, то, если они хоть немного заботятся о его процветании, они вряд ли когда-либо захотят, чтобы улицы его были не такими грязными. Ибо если мы примем во внимание самые разнообразные материалы, которыми необходимо снабдить множество профессий и ремесел, число которых постоянно растет; огромное количество провизии, напитков и топлива, которое ежедневно потребляется городом, мусор и отходы, которые неизбежно от них остаются; огромное количество лошадей и других животных, которые постоянно заполняют улицы; повозки, экипажи и тяжелые кареты, которые беспрерывно стирают и ломают мостовые, и более всего бесчисленные толпы людей, которые постоянно бродят и топчутся повсюду, во всех его уголках; если, говорю я, мы примем во внимание все это, то обнаружим, что ежеминутно должна образовываться новая и новая грязь; а если учесть, насколько удалены большие улицы от реки, сколько денег и труда надо вложить, чтобы убирать мусор и грязь так же быстро, как они образуются, то надо будет признать, что Лондон просто невозможно сделать более чистым прежде, чем он станет менее процветающим. А теперь я могу спросить: разве не может добропорядочный житель города, рассмотрев все сказанное, утверждать, что грязные улицы – необходимое зло, неотделимое от благосостояния Лондона? И в то же время они ни в коей мере не являются препятствием для чистки обуви, подметания улиц и, следовательно, не наносят вреда ни чистильщикам сапог, ни уборщикам мусора.

Но если бы был задан вопрос безотносительно к выгоде или благосостоянию города, в каком месте, по моему мнению, приятнее всего прогуливаться, никто не сомневался бы в том, что зловонным улицам Лондона я бы предпочел полный свежих ароматов сад или тенистую рощу в сельской местности. Подобным же образом, если бы меня спросили, где, по моему мнению, вероятнее всего люди могут наслаждаться подлинным счастьем, отбросив всё мирское величие и тщеславие, я бы предпочел небольшое мирное общество, в котором люди, не вызывая ни зависти, ни почитания со стороны соседей, довольствовались бы теми естественными

продуктами, которые производятся в той местности, где они живут; я предпочел бы его огромному скоплению людей, купающихся в богатстве и власти, постоянно покоряющих других силой оружия за рубежом и развращающих себя в своей стране роскошью, завезенной извне*.

Вот все, что я сообщил читателю в первом издании, ничего не добавив в качестве предисловия во втором. Но после этого поднялась буря протестов против книги, и тем самым полностью оправдались всегда имевшиеся у меня опасения в отношении справедливости, мудрости, милосердия и честности тех, на чью добрую волю я хотел надеяться. Против нее было вынесено обвинительное заключение большим жюри, ее осудили тысячи людей, вообще не видевших ни одного слова, в ней напечатанного. В присутствии лорд-мэра прочитали проповедь, направленную против нее; полное опровержение ее со дня на день ожидается от одного преподобного духовного лица, которое в своих высказываниях всячески поносит меня и угрожает вот уже в течение пяти месяцев дать мне ответ через два месяца. То, что я сам могу сказать о себе, читатель увидит в моей «Защите», напечатанной в конце книги, где он также найдет обвинительное заключение большого жюри, письмо достопочтенному лорду С., которое настолько наполнено пустой риторикой, что в нем нельзя обнаружить ни аргументов, ни внутренней связности. Автор его демонстрирует прекрасные способности к произнесению ругательств и большую пронизательность в отыскании атеизма там, где другие его вообще не могут обнаружить. Он рьяно выступает против безнравственных книг, прямо указывает на «Басню о пчелах» и очень сердит на ее автора; он приводит четыре очень резких эпитета, характеризующих чудовищность его вины, и путем нескольких косвенных намеков, обращенных к толпе (например, на то, что терпеть на земле подобных авторов опасно, или на небесные кары, которым подвергнется весь народ), весьма милосердно препоручает меня ее заботам.

Учитывая, что это послание весьма длинно и направлено в целом не только против меня, я вначале намеревался привести из него лишь некоторые отрывки, имеющие непосредственное отно-

* Последующий текст добавлен к «Предисловию» в третьем издании «Басни о пчелах» 1724 г.

шение ко мне, но, обнаружив при ближайшем рассмотрении, что все касающееся меня настолько связано и переплетено с тем, что ко мне не относится, был вынужден беспокоить читателя, приводя все послание целиком в тайной надежде, что, несмотря на его многословие, нелепость его позабавит тех, кто изучит тот трактат, который оно осуждает с таким ужасом.

ВОЗРОПТАВШИЙ УЛЕЙ, ИЛИ МОШЕННИКИ, СТАВШИЕ ЧЕСТНЫМИ*

В просторном улье пчелы жили,
Имелось все там в изобилье;
И множились науки в нем,
И шел промышленный подъем;
Закона и оружия сила
Его величие хранила;
И каждой новою весной
Он порождал за роем рой.
Ни деспота не знал он власти,
Ни демократии напасти;
Им управлял король, чей трон
Законом был давно стеснен.
Так жили пчелы жизнью вольной,
Но были вечно недовольны.

Ну, словом, был пчелиный рой
Во всем похож на род людской.
Производили то же пчелы,
Что наши города и села:
Все те предметы, что нужны
Для мирной жизни и войны.
И нет у нас таких строений,
Машин, судов, изобретений,
Наук, искусств и мастерских,
Каких бы не было у них.
Посредством крохотных орудий
Они всё делали, как люди;
И нам хватает наших слов
Для описанья их трудов.

Из человеческих дел едва ли
Они чего-нибудь не знали,
Ну разве что иных затей –
Игральных, например, костей.

* Перевод с английского выполнен А.Л.Субботиным по изданию: The Fable of the Bees: or, Private Vices, Publick Benefits. The Fifth Edition. London, 1728. Vol. 1.

И то навряд ли; в самом деле,
Ведь короли солдат имели –
А разве был на свете полк,
Где в играх бы не знали толк?

Итак, цвел улей плодови́тый,
До крышки пчелами набитый;
И в нем, как в обществе людей,
Кипели тысячи страстей.

Иные утоляли страсти,
Достигнув почестей и власти;
Другие в копиях, в мастерских
Всю жизнь работали на них,
Полмира, почитай, кормили,
А сами как илоты жили.

Тот, кто имел свой капитал,
Себя ничем не утруждал
И только прибыли считал;
Другие знали лишь работу,
Трудились до седьмого поту,
И спину гнули день-деньской,
Питаясь хлебом и водой.

Иные днями и ночами
Вершили темными делами,
Которым обучать юнцов
Рискнул бы худший из отцов.
Плуты, хапуги, сутенеры,
Гадалки, шарлатаны, воры –
Все шли на хитрость и обман,
Дабы набить себе карман.

А впрочем – остальные тоже
С мошенниками были схожи:
Весьма солидные мужи
Нисколько не чурались лжи,
И были в улье том едва ли
Заняты, где б не плутовали.

Здесь каждый адвокат владел
Искусством раздуванья дел
И, ловко разжигая споры,
Клиентов грабил хуже вора.
Суды веденье тяжб всегда
Растягивали на года,
Однако было все в порядке,
Когда судье давали взятки;
За эти воздаянья он
Так рьяно изучал закон,
Как взломщик изучает лавки,
Чтоб лучше обобрать прилавки.

Врачи заботились скорей
О репутации своей,
А не о том, чтобы лечение
Несло больному облегченье;
Стремясь доверье заслужить,
Старались чуткими прослыть:
Войти с улыбкой в дом больного,
Приветливое молвить слово
И угодить его родне,
Любой внимая болтовне.

Мужи духовного сословья
Не чужды были суесловья
И, хоть служили при богах,
Погрязли в низменных грехах.
Всем досаждали их чванливость,
Корыстолюбье, похотливость –
Пороки, свойственные им,
Как кражи мелкие – портным.
Они, вперяя взоры в небо,
Послать молили корку хлеба,
А сами жаждали притом
Заполучить амбар с зерном.
Пока жрецы вовсю радели,
Те, кто их нанял, богатели,
Благополучием своим
Весьма обязанные им.

Коль дрались на войне солдаты –
Их ждали почести, награды.
А тех, кто бойни избегал,
Судил военный трибунал;
Причем указ был очень строгий –
Им просто отрубали ноги.
Отнюдь не всякий генерал
С врагами честно воевал;
Иной, на деньги шибко падкий,
Щадил противника за взятки.
Те, кто был в битвах смел и рьян,
Считать не успевали ран;
А трусы по домам сидели,
Зато двойной оклад имели.

Лишь на оклад никто не жил
Из тех, кто при дворе служил;
Ревнителю служенья трону
Бесстыдно грабили корону
И, обирая королей,
Хвалились честностью своей.
Везде чинуши плутовали;
Но чтоб о том не толковали,
Они мошенничества плод
Умели выдать за доход
И называли честной сделкой
Любую грязную проделку.
Ну, словом, каждая пчела
Обогащалась как могла,
Доходы большие имея,
Чем думал тот, кто znalся с нею;
Так выигрыш скрывает свой
От остальных игрок любой.

Не перечсть все их проделки,
Навоз – и тот бывал подделкой,
И удобренье для полей
Сплошь состояло из камней.
В своем стремленье жить богато

Всяк норовил надуть собрата
Иль вымещал на нем свой срам,
Когда бывал обманут сам.

Хотя и были у Фемиды
Глаза повязкою закрыты,
Ее карающая длань
Охотно принимала дань.
И всем, конечно, было ясно:
Ее решение пристрастно,
Богиня делает лишь вид,
Что судит так, как долг велит.
Она судом грозила строгим
Лишь неимущим и убогим,
Тем, кто нуждой был принужден
Немного преступить закон.
Зато богатый, именитый
Был защищен мечом Фемиды,
Всегда готовым чернь карать,
Дабы обезопасить знать.

Пороком улей был снедаем,
Но в целом он являлся раем.
Он порождал в округе всей
И страх врагов, и лесть друзей;
Все ульи несравнимы были
С ним по богатству и по силе.
Такой здесь был гражданский строй,
Что благо нес изъян любой,
И, вняв политики урокам,
Дружила нравственность с пороком;
Тут и преступница-пчела
Для пользы общества жила.

Весьма искусное правленье
Всех пчел хранило единенье.
Хоть пчелы и роптали, рой
Согласно жил семьей большой;
Враги – и те, хоть не желали

Того, друг другу помогали;
И добродетели одних
Питали слабости других.

Здесь жадность, будучи истоком
Всех зол, губительным пороком,
Себя связала с мотовством –
Сим благороднейшим грехом;
Здесь роскошь бедных выручала
Тем, что работу им давала;
Ей гордость в этом помогала;
А зависть и тщеславье тут
Облагораживали труд.
К тому ж у этого народа
На все менялась быстро мода;
Сей странный к переменам пыл
Торговли двигателем был.
В еде, в одежде, в развлеченье –
Во всем стремились к перемене;
И образцы новейших мод
Уж забывались через год.
Сменяя в обществе порядки,
В нем устраняли недостатки;
В итоге славным пчелам зло
Благополучие несло.

Плоды пороков пожиная,
Цвела держава восковая.
Изобретательность и труд
Впрямь чудеса творили тут.
Покой, комфорт и наслажденья
Сполна вкушало население;
И жил теперь бедняк простой
Получше, чем богач быллой.

Но как обманчиво блаженство!
Когда бы знать, что совершенство
И боги нам не в силах дать,
Не стали твари бы роптать.

Они ж, чуть что, вовсю вопили:
«Мошенники нас погубили!
Что власть, что армия, что суд –
На воре вор, на плуте плут!»
И те, что сами плутовали,
Других за плутни бичевали.

Один богач – как раз из тех,
Кто жил, обманывая всех, –
Орал, что к светопреставленью
Ведут все эти преступления.
И кто же тот разбойник был,
Кого так люто он бранил?
Прохвост-перчаточник, продавший
Ему овчину вместо замши.

Прекрасно шли у пчел дела
И польза всем от них была,
И всё же все кричали: «Боги,
Хотим жить честно! Будьте строги!»
Услышав их мольбы, Гермес
Лишь усмехнулся; но Зевес
Сказал, сверкнувши гневным оком:
«Что ж, это будет им уроком».
И вот – о чудо из чудес! –
Из жизни пчел обман исчез;
Забыты хитрости и плутни,
Все стали честны, даже трутни;
И вызывает только стыд
У трезвых пчел их прежний быт.

О славный улей! Даже жутко,
Какую с ним сыграли шутку!
За полчаса по всей стране
Продукты снизились в цене;
Все сняли маску лицемерья
И жаждут полного доверья;
Презрела роскошь даже знать;
Ну прямо улей не узнать.

Заимодавцам нет заботы,
И адвокаты без работы,
Поскольку сразу должники
Вернули с радостью долги;
А кои возвратить забыли,
Тем кредиторы долг простили.
За прекращеньем многих дел
И род судейских поредел;
Последним туго, как известно,
Когда дела ведутся честно:
Доходов не приносит суд,
И из судов они бегут.

Одних преступников казнили,
Других на волю отпустили.
Едва застенки опустел,
Оставшись вовсе не у дел,
Из улья отбыла Фемида,
А с ней – ее большая свита.
Толпой шли чинно кузнецы –
Тюремной утвари творцы –
С железными дверьми, замками,
Решетками и кандалами;
Шел весь тюремный персонал,
Что заключенных охранял;
От них на должном расстоянии –
Палач в багряном одеянье,
Но не с мифическим мечом –
С веревкой шел и топором;
За ним, в кругу шерифов, судей,
Везли богиню правосудья.

Теперь лечить недужных смел
Лишь тот, кто врачевать умел;
И даже в селах захолустных
Хватало лекарей искусных.
Больных старались так лечить,
Чтоб их страданья облегчить,
Причем без всяких выгод личных

И без таблеток заграничных;
Знал лекарь: и в своей стране
Замену им найдет вполне.

Жрецы отныне не ленились,
Со всем усердием молились
И славословили богов,
Не полагаясь на дьячков.
А те, что барствовать хотели, –
Все оказались не при деле
(Которое для честных пчел
Иной бы и ненужным счел).
Верховный жрец теперь всецело
Отдал себя святому делу
И голос свой подать не смел
При разрешенье светских дел.
Зато любой бедняк и нищий
Могли найти в его жилище
Чем подкрепиться: хлеб и эль,
А путник – теплую постель.

Министры поняли, что надо
Жить скромно на свои оклады;
И нетерпим стал с этих пор
К любому жульничеству двор.
И если пенсион свой скромный
Ждала неделями в приемной
Иная бедная пчела
И получить его могла,
Лишь сунув клерку в руку корону, –
Того карали по закону;
Хотя в былые времена
Прощалась большая вина.
Досель на каждом злочном месте
Сидело по три чина вместе,
Дабы друг другу не давать
Чрезмерно много воровать;
Они друг друга наблюдали

И вскоре вместе плутовали.
А ныне лишь один сидел,
Другие были не у дел.

Всё пчелы для уплаты долга
Распродают: отрезы шелка,
Кареты, дачи, скакуны
Идут с торгов за полцены.
Им честь диктует бедняками
Скорее быть, чем должниками.

Они бегут ненужных трат,
Не шлют за рубежи солдат,
Не ценят воинскую славу,
Однако за свою державу,
За право мирно, вольно жить
Готовы головы сложить.

Куда ни глянь – не то, что было:
Торговлю честность погубила,
Осталась уйма пчел без дел,
И улей быстро опустел.
Нет богачей, исчезли моты,
Что деньги тратили без счета;
Занятя где теперь найдут
Все те, кто продавал свой труд?
Конец закупкам и заказам –
И производство гибнет разом;
Везде теперь один ответ:
«Нет сбыта – и работы нет».

На землю даже пали цены;
Сдают внаем дворцы, чьи стены
Само искусство возвело;
И, удивленные зело,
Печально зрят сей строй убогий
Их охраняющие боги.
Без дела плотник, камнерез,
На их работу спрос исчез;
Пришло в упадок, захирело

Градостроительное дело;
И живописца дивный труд
Уж никому не нужен тут.

У пчел мизерные оклады,
На день хватает – ну и рады,
И больших нет у них забот,
Чем оплатить в таверне счет.
Теперь кокетки записные
Не носят платья золотые;
Не закупает крупный чин
Ни дичи, ни французских вин;
Да и придворный равнодушен
К тому, что подают на ужин,
Которому теперь цена
Не та, что в оны времена.

Еще совсем недавно Хлоя
Богатства ради и покоя
Толкала мужа своего
На плутовство и воровство;
Теперь пускает в распродажу
Златую утварь, мебель даже –
Те вещи, ради коих рой
Творил в Вест-Индии разбой.
Пришли иные в улей нравы;
Забыты моды и забавы;
Нет шелка, бархата, парчи –
Не ткут их более ткачи.
Беднее стали все раз во сто,
Зато все дешево и просто,
Зато обрел пчелиный рой
И мир, и счастье, и покой.
Берут лишь то, что даст природа;
Сады растут без садовода
И глаз не радуют плодом,
Взраченным знаньем и трудом.

Уж не плывут в чужие страны
Судов торговых караваны;
Нигде не видно ни купцов,
Ни финансистов, ни дельцов;
Ремесла все пришли в расстройство
Бич трудолюбия – довольство –
Мешает выгоду искать
И большего, чем есть, желать.

И тут на улей опустелый
Коварные соседи смело
Со всех сторон пошли войной;
И закипел кровавый бой!
И год, и два – враги все рвутся;
Отважно, храбро пчелы бьются;
Их мужество в конце концов
Спасает улей от врагов.
Победа! Но победа рою
Досталась дорогой ценою:
Миллионы пали, и страна
Была вконец разорена.
Финал послужит всем уроком:
Покой – и тот сочтя пороком,
Проникшись духом простоты
И первородной чистоты,
Настолько пчелы опростели,
Что все в дупло перелетели,
Где, честной бедностью своей
Гордятся, живут до наших дней.

МОРАЛЬ

Да будет всем глупцам известно,
Что улей жить не может честно.
В мирских удобствах пребывать,
Притом пороков избежать –
Нельзя; такое положенье
Возможно лишь в воображенье.

Нам – это все понять должны –
Тщеславье, роскошь, ложь нужны;
В делах нам будучи подмогой,
Они приносят выгод много.
Конечно, голод – это зло;
Но без него бы не могло
Раздобывать себе съестное,
Расти и крепнуть все живое.
Лоза плодов не принесет,
Пока дикаркою растет;
Чтоб зрели грозди винограда,
Лозу не раз подрезать надо;
Но вот подвязана она,
Вся ссохлась, вся искривлена,
А сколько нам дает вина!
Так и порок полезен людям,
Когда он связан правосудьем.
Чтоб стать народ великим мог,
В нем должен свить гнездо порок;
Достатка – всё тому свидетель –
Не даст ему лишь добродетель.
И те, кто век вернет иной,
Прекраснодушный, золотой,
Верша всё честными руками,
Питаться будут желудями.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. Даты жизни и деятельности.....	7
II. Биография книги	12
III. Сатирическая атака на лицемерие.....	18
IV. Учение об аффектах.....	24
V. Парадоксы Мандевиля	30
VI. Происхождение нравственности	36
VII. Критика Шефтсбери.....	41
VIII. Проблема зла	49
IX. Взгляды на общество.....	54
X. Мысли об образовании	62
XI. Введение в социальную психологию.....	67
XII. Элементы эстетики.....	74
XIII. Последняя защита	77
XIV. Наследие.....	82
Литература	85
Указатель имен	87
Приложение	89

Научное издание

Субботин Александр Леонидович

Бернард Мандевиль

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректурa автора

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 07.02.13.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 4,86. Тираж 500 экз. Заказ № 003.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>